

Михаил БАРУ

ПОЛСТАКАНА СМЕТАНЫ С САХАРОМ

Уржум

Если из Москвы проехать тысячу километров на запад, то можно через Белоруссию добраться почти до польской границы, а если на восток и чуть-чуть на север, то ни до какого государства не доедешь. Зато доедешь до Уржума – маленького райцентра в Кировской области. Он и всегда был маленьким. С самого своего основания в шестнадцатом веке. Или не в шестнадцатом...

Если считать от того года, когда Уржум стал крепостью, то с пятисот восьмьдесят четвертого. Если от первого упоминания в летописях, то на тридцать лет раньше. Если копнуть поглубже, то выйдет марийский городок, который, если верить легендам, был чуть ли не столицей княжества луговых марийцев, которых подчинили себе русские во второй половине шестнадцатого века. Если еще глубже, то окажется, что до марийцев здесь жили удмурты – чудь и вотяки, которых марийцы вытеснили за Вятку, протекающую в десяти километрах к востоку от Уржума. Если же начинать с самого начала, то выходит, что люди здесь селились еще семь или восемь тысяч лет назад. Документов от них, конечно, не осталось – только скребки, рубила и разных размеров кости – свои и съеденных животных. От тех, кто жил в этих местах с третьего по шестой век нашей эры, остались разнообразные и довольно затейливые нагрудные и поясные бронзовые подвески, халцедоновые бусы и даже обрывок холщового передника с медной булавкой, которые теперь украшают собой одну из витрин Уржумского краеведческого музея. Их нашли в шестьдесят восьмом году на территории Уржума при строительстве детского комбината.

Угро-финнов, а точнее удмуртов, а еще точнее чудь и вотяков, к двенадцатому веку вытеснили марийцы. Марийцы, когда пришли русские, уходить не стали – да и некуда им было уходить. Стали жить рядом в своих же лесах, полях и по берегам рек, названия которых остались прежними. Одной из таких рек, а вернее речек, была Уржумка. В переводе с марийского это значит «белку видел». Наверное, белка в этих местах раньше было много. Впрочем, раньше и волков с медведями здесь было много, но... белка – так белка. Думаете, на гербе города Уржума белка? Как бы не так. На гербе Уржума гусь. Правда, гербом марийцы не заморачивались – жили без него. Неплохо, между прочим, жили. Ну, до герба мы еще доберемся. Краеведы, историки, этнографы и лингвисты не были бы сами собой, если бы не стали расчленять название Уржума на отдельные буквы и даже крючки с черточками, чтобы узнать, где находится исток этого слова. Оказалось, что слово это домарийского происхождения, к белкам не имеет никакого отношения и означает лесную речку. Так что с гусем, конечно, вышла ошибка, но и с белкой тоже получилось не очень. Это если вкратце. На самом деле существует еще как минимум пять гипотез и легенд, объясняющих почему Уржум называется Уржумом. Среди них и легенда о жизни и удивительных приключениях двух марийцев по имени Ур и Жум, и топоним Уржон, означающий укрепление на горе, и предположение о том, что марийцы, теснимые татарами, пришли в эти места из Костромской области, с берегов реки Рижум, название которой превратилось в Уржумку, и гипотеза Василия Никитича Татищева о том, что Уржум и вовсе татарское слово и означает, в переводе на современный язык, аплодисменты, и... хватит, пожалуй, или... нет, еще одно, последнее и самое страшное предположение уржумских краеведов о том, что Уржум – это марийское Вурзым, а «вур» – это по-марийски кровь, и выходит, что Уржумка совсем не лесная речка мирных вотяков

и чуди, а кровавая река марийцев потому, что на ее берегах русские колонизаторы убили собравшихся на большое моление десять тысяч марийцев. Теперь уж точно все¹.

Впервые Уржум упоминается в Никоновской летописи под пятьсот пятьдесят четвертым годом. В тот год русские воеводы «призвали Бога в помощь, пошли из Казани Арьскою дорогою на высокую гору к засеке и направо побережных людей по Чувашской дороге... и во многие места послали головы воевати и сами идучи на Арско и к Нурме и на Уржум идучи, воевали и жгли во всех местех. А пришли воеводы на Нуржум, от Казани десять днищ ходу...»². Еще бы им не воевать – с момента взятия Казани прошло всего два года, и марийцы, которые и сами по себе не испытывали восторга по поводу русской колонизации, да еще и подстрекаемые и казанскими, и сибирскими татарами, и ногайцами, и крымчаками, волновались так, что русские воеводы не успевали отрачивать головы для рассылки. В летописи Уржум упоминается еще раз, но уже как Оржум. То ли летописцу понравилось само название Уржум и он его писал на разные лады для собственного удовольствия, то ли так было написано в отчетах воевод, а монах-переписчик копировал каждую букву не думая... Может, имелся ввиду марийский Уржум, может местность, может река, а может и то и другое и третье.

Что касается года постройки русской крепости... согласимся на том, что поставили ее в восемьдесят четвертом году, иначе придется разбираться, почему академик Тихомиров считал, что поставили Уржум в девяносто пятом году, а по данным других ученых в восемьдесят восьмом, а по данным третьих в девяносто втором или в девяносто четвертом... Уж если местные краеведы считают, что в восемьдесят четвертом, то, значит, точно не раньше этого времени. Уж они-то, будь хоть малейшая возможность прибавить хотя бы день...

Ставили крепость воеводы Владимир Головин и Семен Еропкин. Так записано в разрядных книгах за пятьсот девяносто четвертый год. Через шестьдесят пять лет старожилы-марийцы еще помнили, а «иные ведали от отцов своих... как де поставили город Уржум Володимер Головин да Семен Яропкин, и деревни де Сарды у черемисы пахотные земли и сенные покосы отошли все под город и под городовые поля и пашню уржумским детям боярским и стрельцам, а их де черемис, с тех старых отар перевели на новую усадьбу, где они ныне живут»³, о чем они и рассказывали монахам Уржумского Спасского монастыря.

Понятное дело, что аборигены этим вынужденным перемещениям не обрадовались. Мало того, их еще заставили под надзором стрельцов рубить городские стены и башни. Правда, строили не только марийцы, но и русские крестьяне, и стрельцы, и посадские люди, но только марийцам было запрещено проживать в городе, оставаться в нем на ночь, въезжать без разрешения властей и вообще селиться в радиусе пяти верст от городских стен. Уржум был небольшим городом даже и по тем временам – городской периметр составлял всего около двухсот метров. Крепость имела семь башен и трое городских ворот. Внутри – тюрьма, церковь, воеводская и разрядная избы. Ничего особенного – практически типовый проект.

Уже в пятьсот девяносто втором году первому уржумскому воеводе Головину пришлось подавлять восстание марийцев, вспыхнувшее сразу в дюжине волостей. Удивительно было бы, если бы марийцы не восстали – колонизаторы сгоняли их с насиженных мест, объявляя марийские земли, на которых они жили не одну сотню лет, собственностью русского царя, и насильно обращали в новую веру. Собственно говоря, Уржум и задумывался не только как военная крепость, но и как один из центров христианизации южных вятских земель. Вообще, отношения московских властей с местным марийским населением были настолько напряженными, что даже в середине семнадцатого века, когда первый острог обветшал и пришел в негодность, немедленно был выстроен новый, окружен валом и заполненным водой рвом. Это было сделано тогда, когда граница Московского царства уже отодвинулась от Уржума далеко на восток.

Русского населения в конце шестнадцатого и в начале семнадцатого веков в этих местах было, что называется, кот наплакал – раз в десять меньше, чем марийцев. Даже в середине семнадцатого века вокруг Уржума было всего полторы сотни русских дворов, при том что марийских более полутора тысяч⁴. Правда, были еще не учтенные никакими переписями беглые русские крестьяне, промышлявшие разбоем в глухих уржумских лесах. К слову сказать, они занимались им еще очень долго, и только советская власть смогла с этим промыслом покончить навсегда. И вообще русское население в те годы увеличивалось не столько за счет естественного прироста, сколько за счет постоянного притока беглых крестьян из западных областей.

Вернемся, однако, к воеводам. Обычно их было двое, и подчинялись они московскому приказу Казанского дворца и Казанскому воеводе в Казани. В случае военных действий первый воевода отправлялся в поход, а второй командовал крепостным гарнизоном и назывался осадным головой. В мирное время осадный голова командовал караульной, воротной и пушкарской службами. Ему же подчинялись плотники, кузнецы и прочие «осадные» люди. Воеводская служба в таких городках обычно была срочной – через год воевод переводили в другое место. Пусть в такую же, на краю света, крепость вроде какого-нибудь Яранска, Царево-Санчурска или Малмыжа, но на одном месте сидеть не давали. В редких случаях воевода мог усидеть на одном месте два года и уж в совсем в исключительных – три. Причина тут проста и незатейлива – стоило только воеводе обжиться, войти в близкие отношения с дьяками, земскими старостами и другими приказными людьми, как немедля, точно плесень на лежалой краюхе хлеба, возникало издоимство, дорогие кокошники воеводским женам ко дню ангела воеводы, неучтенные белки и куницы, сданные аборигенами в счет подушного налога... Кстати, о налогах. В тридцатых годах уже семнадцатого века было велено марийцам с трех дворов одного человека давать на работы в Уржум, а еще раньше, в шестьсот пятнадцатом году, их призвали в народное ополчение князя Пожарского. Уржумские стрельцы принимали участие в боях под Смоленском с поляками, служили на Дону, ходили против атамана Заруцкого. В наказе стрелецким головам в мае шестьсот сорока четвертого года сказано: «Над Ивашком Заруцким и над Маринкою и над выблядком под Астраханью промышлять, а что учнется у них делать, о всем писать ко князю Ивану Никитичу Одоевскому, а для тех посылок послано с ними сто человек уржумских стрельцов». Уржумский сотник Петр Онучин, впоследствии уржумский воевода, даже принял участие в поимке Заруцкого. Справедливости ради надо сказать, что другой уржумский стрелец, Максим Сальцов, успел побывать одним из главарей восстания против царя Василия Шуйского в соседнем Котельниче.

Фактически Уржум был военной частью за частоколом из дубовых бревен. Большую часть его населения составляли стрельцы – их было в шестьсот двадцать пятом году при воеводе Гавриле Хотунском две сотни, плюс два десятка конных служилых дворян, шестьдесят пять иноземных наемных солдат нового строя (литва и немцы), да к ним три толмача и семь десятков новокрещенов из местных. Еще воротники, кузнец, два попа (по количеству церквей) и один пономарь. Еще бражничество, мордобой, игра в карты и зернь, домогательства до поповен и прачек, марийки, что ни день приносящие в подолох незаконнорожденных стрельчат... Как со всем этим управлялся Гаврила Афанасьевич, даже с помощью стрелецкого головы и двух сотников – ума не приложу.

И все это воинство, всех приказных, всех подьячих, всех начальников канцелярий и всех письмоводителей нужно было содержать. Их и содержали жители посада и окрестные крестьяне, платившие стрелецкий налог на содержание войска, полоняничный налог на выкуп пленных, ямской на содержание почтовых станций и ямщиков, подворный, торговый, промысловый, на сенокосы... И это не все. Крепость, в случае нужды, ремонтируй, дома в городе строй, церкви строй, ратников в ополчение дай. И еще. По правилу, которое тогда действовало, население могло жаловаться на приказных только по истечении срока их службы, а во время оной... даже и не думай.

Использовался Уржум и как место ссылки. В шестьсот двадцать седьмом году сюда сослали подьячего Посольского приказа Алексея Шахова за вымогательство. Сослали вместе с женой и детьми. Пришлось ему служить в Уржуме подьячим воеводской избы без права перевода в другой город не иначе как по государеву указу. Ему еще и повезло, поскольку другой москвич – князь Федор Андреевич Шелешпанский просидел в тюрьме уржумского острога два года, после чего был отправлен с чадами и домочадцами на житье в Тобольск. Князь Федор денег не вымогал, но проходил по политической статье, и ему тоже повезло – мог и головы лишиться⁵.

И все же, мало-помалу Уржум превращался в обычный город. К концу семнадцатого века в поминальной книге «Синодик Уржумского Троицкого собора» можно найти двух садовников, одного иконника, торгового человека из Москвы, двух купцов гостиной сотни и даже одного из Шустовых. В те времена, однако, они владели соляными, а не коньячными промыслами. Начиная со второй половины семнадцатого века, на западноевропейских картах появляется город Oursum. Правда, на этих картах он расположен на левом, а не на правом берегу Вятки, но это лучше, чем ничего.

Восемнадцатый век Уржум встретил тихим уездным городом Казанской провинции. Пограничным он быть перестал, поскольку граница от него отодвинулась. Тем не менее крепость еще стояла, но «шесть башен ветхи, згнили и обвалились, две стены згнили и обламались»⁶. На Спасских городских воротах еще были установлены две тридцатипудовых медных пушки и одна на колесах, в арсенале еще хранились три затинных пищали, почти пятьсот железных ядер, тридцать с лишним пудов свинца, пять пудов фитилей и пороху пушечного двадцать пудов семнадцать гривенков с полугривенкою, но он «в стрельбу не годен, потому, что сыр»⁷.

Что же касается населения, то марийцы, частью переселенные, частью переселившиеся сами, частью крещенные и ассимилированные, больших проблем для властей не создавали. Вернее, уже не могли создать. И вообще вокруг Уржума число марийских деревень изрядно уменьшилось. Бежали марийцы от непосильных податей, которыми обложил их царь Петр, от рекрутчины, в поисках лучших земель в Предуралье, в бассейн реки Белой. Надо сказать, что и русские крестьяне тоже были мастера наострить лыжи от налогов. В те времена вятские леса были настолько густыми, что беглые крестьяне, не желавшие бежать далеко, основывали новую деревню буквально в нескольких верстах от старой и не один год в ней жили, пока их случайно не обнаруживали. В семьсот шестнадцатом году власти устроили перепись населения. И тут вдруг выяснилось, что за двенадцать лет, прошедших со времен прошлой переписи, в уезде опустело более четырехсот дворов и подались в бега восемьсот с лишним человек, главным образом марийцев. Вообще население уезда сократилось на две с половиной тысячи человек, при том что в шестнадцатом году числилось всего десять с небольшим тысяч, включая и русских и марийцев. Переписчик, какой-нибудь юркий, как таракан, подканцелярист, которого еще по старой памяти называли подьячий, в протертом на локтях кафтане и «с прилипнувшим где-то куриным пером» на спине, писал: «Бежали, померли, отданы в рекруты, сосланы на вечное поселение, на работу в Санкт-Петербург, в башкирский бунт побиты, на каторгу, постриглись, пропали без вести»⁸. Крестьян можно понять – уж лучше бежать, чем все остальное. Впрочем, теперь времена изменились – теперь на работу в Санкт-Петербург из Уржума и уезда уезжают добровольно и с охотой.

Чтобы уж закончить с крепостью: по переписи семьсот сорок седьмого года в Уржуме, кроме ста шестидесяти душ купеческого сословия, полутора десятка иноземцев, семи десятков пахотных солдат, шести цеховых ремесленников, баб и детишек без счету, еще числилось семь душ пушкарей и восемь воротников. Стало быть, в середине восемнадцатого века ворота еще открывались, и пушки, пусть и ржавые, пусть и с такими же ржавыми ядрами, все еще могли стрелять, если подсушить отсыревший порох, но уже к восьмидесятым годам восемнадцатого века крепость сгнила до основания и от нее не осталось и следа. Остался только вал, который обозначен на плане того времени. План

этот украшает собою один из залов краеведческого музея, и на нем, кроме зеленых квадратиков, обозначающих то ли три, то ли четыре с половиной жилых квартала, рек, а вернее речек – Уржумка и Шинерка, кладбища, соляного амбара, винного склада, инвалидной слободы, двух деревянных мостиков через Уржумку, столбовых дорог на соседние города Малмыж и Нолинск, нет больше ничего. Не было даже Московской улицы, которая была в те времена почти во всяком уездном или даже заштатном городе, чтобы можно было все бросить, сесть в коляску и по ней укатить, поднимая тучи пыли, в Москву или, на худой конец, в Казань. Хотя... насчет дороги в Казань я, пожалуй, призагнул. Была в Уржуме Казанская улица, по которой можно было, выехав из города, доехать до самой Казани, много лет приходившейся Уржуму губернской столицей. В семьсот восьмидесятом году от огромной Казанской губернии отделили Вятское наместничество, в состав которого, среди прочих уездных городов, вошел и Уржум. Уржумские мужики, обычно оценивавшие колеса проезжающих телег и экипажей на предмет того, доедут ли они до Казани или нет, еще долго не могли привыкнуть говорить Вятка вместо Казани.

Кстати, о проезжающих. В семьсот семидесятом году проезжал через Уржум участник естественнонаучной экспедиции академика Палласа капитан Николай Петрович Рычков. Не просто так проезжал, а с целью изучения и описания всего, что попадалось ему по пути: городов, рек, железоделательных, салотопенных и кирпичных заводов, рыбных и соляных промыслов, древностей, способов плетения лаптей и засолки огурцов, торговли, растений, сусликов, мышей, жужелиц и полезных ископаемых. Об Уржуме Николай Петрович записал в своем журнале буквально следующее: «В нем три каменные церкви, до 300 обывательских домов и несколько лавок, в которых продают разную крестьянскую рухлядь. Жители его суть пахотные солдаты, черносошные купцы и часть инвалидной команды, поселенной на полуденном конце города. Известно, что в городе Уржум находится воеводское правление»⁹.

Обычно уржумские краеведы в своих работах об Уржуме ограничиваются лишь этой цитатой из журнала Рычкова, а зря. Несколькоими строчками ниже любознательный капитан пишет вот что: «Между делами в канцелярском архиве думал я найти какое ни будь известие о древности сего города; но на посланное от меня сообщение Уржумская воеводская канцелярия ответствовала, что в старинных делах не значится ни время, когда сей город построен, ниже какие народы прежде сего в сем месте обитали»¹⁰. Еще и двухсот лет не прошло, как уже все поросло таким густым быльем... По крайней мере, для Уржумской воеводской канцелярии. Впрочем, может, местные чиновники просто не хотели открывать свои архивы приезжему из столицы. Это он так говорит, что интересуют его дела давно минувших дней, полезные ископаемые и тычинки с пестиками, а как начнет копать...

И еще о Рычкове. Вернее, не о нем, а о расположенных в Уржумском уезде медеплавильных заводах, которые он осмотрел и подробно описал. За сорок лет до его визита два хлыновских купца, Александр Фирсович Прозоров и Вонифатий Иванович Дряхлов, послали в низовья Вятки хлыновского же посадского человека Тимофея Рукавишникова для рыбной ловли. Теперь уже и не узнать, наловил он им рыбы или нет, но приехал Тимофей к Александру Фирсовичу и Вонифатию Ивановичу с образцами медной руды, которую отыскал на берегах речки Шурминки. То ли у Рукавишникова было два образования – рыбное и медное, то ли он вообще любил искать руду в свободное от рыбной ловли время... Как бы там ни было, а хлыновские купцы решили от своего счастья не бегать – через год ими было получено от Берг-коллегии разрешение на постройку завода, а еще через год на Шурминке уже стояла плотина, были устроены водовод и колеса, вращавшие воздуходувные меха у печей и горнов, сложены две плавильные печи, прорублены в лесах дороги, и по ним крестьяне повезли на телегах к печам руду. Медь правительство скупало у купцов по принудительной цене – пять с половиной рублей за пуд. Из этого пуда выходило медных денег на целых шестнадцать

рублей. В благодарность за разницу в десять рублей правительство разрешало владельцам частных заводов приписывать к ним государственных крестьян. Шурминский медеплавильный завод исключением не был – к нему приписали около трех сотен крепостных да еще почти столько же было пришлых.

К тому времени как через те места проезжал капитан Рычков, заводом уже владели тульские промышленники Мосоловы. После смерти Дряхлова Прозоров отдал на пять лет в аренду четырем братьям Мосоловым не только завод, но и рудники и сенные покосы. За все про все Мосоловы платили Прозорову восемьдесят копеек с каждого пуда выплавленной меди. Три года они завод арендовали, а потом выкупили его с разрешения все той же Берг-коллегии за пять тысяч рублей. В семидесятом году на заводе было десять печей, но работало всего шесть, поскольку запасы медной руды начали мало-помалу вырабатываться. Тем не менее в год выплавливали от двух до трех тысяч пудов меди, и по словам Рычкова «Пред несколькими годами сей завод был лучший из всех заводов в Казанской губернии». Один из братьев Мосоловых, Максим, арендовал в Уржумском уезде казенную мельницу и пристроил к ней лесопильню. Он же хотел построить еще один медеплавильный завод в Уржумском уезде, на реке Буй, но умер, и строили уже его сыновья. В скобках заметим, что один из сыновей Максима Мосолова, Антипа Мосолов, был самым крупным землевладельцем в округе – он имел полторы сотни крепостных. Их и во всей-то Уржумской округе было около пятисот у десяти помещиков. У мелкопоместных дворян число крепостных и вовсе не превышало четырех человек.

Антипа Мосолов привез из Тулы три сотни мастеров и рабочих. Буйский завод развивался так быстро, что уже через два года в селе Буйском, возникшем вместе с заводом, проживало в два с половиной раза больше жителей, чем в самом Уржуме. Правда, Берг-коллегия не разрешила строить медеплавильный завод, поскольку поблизости не было нужного сырья, и потому завод вышел молотовым или передельным, то есть на нем с помощью молота переделывали чугун, полученный из уральского Златоуста, в ковкое железо. Все это, конечно, скучные чугунные подробности, к истории Уржума непосредственного отношения не имеющие, но сказать об уржумской промышленности в восемнадцатом веке больше нечего, если не рассказывать о каких-нибудь кустарных мастерских по плетению рогож, кузницах, салотопнях, маслобойках и... Правду говоря, даже и маслобоек в Уржуме тогда не было – они появятся лишь в следующем веке.

Чуть не забыл. Стояла на Уржумке в черте города пыльная мельница с мукомольными поставами. Говоря понятным нам языком – обычная пилорама и несколько мельничных жерновов. Не авиазавод, конечно, и даже не мастерские по шитью воздушных шаров из коровьих шкур, но... если прищуриться, то можно и в ней разглядеть росток уржумского капиталистического будущего.

Нельзя сказать, чтобы и торговля в Уржуме во второй половине восемнадцатого века процветала. Да и как ей процветать, если в момент образования Вятского наместничества в семьсот восьмидесятом году в городе проживало всего пять купцов третьей гильдии. Всех же уржумцев насчитывалось двести пятьдесят, и жили они в ста шестидесяти домах. Дома, конечно, были деревянными. Каменными были только три уржумских храма – Троицкий собор, Вознесенская и Казанские церкви и винный склад. Весь город в длину был немногим более километра.

Ратушу по случаю учреждения наместничества переименовали в магистрат, Уржумское духовное управление вошло в состав Вятской епархии, бургомистром стал купец Терентий Полстовалов, городничим назначили секунд-майора Гиллебольта, уездным землемером Ивана Горбунова, а уездным стряпчим коллежского регистратора Козьму... Впрочем, это такие же скучные подробности, как и сведения о переделке чугуна. Гораздо интереснее, почему на гербе Уржума изображен дикий гусь, а не белка. По официальной версии потому, что гусей «в окрестностях сего города весьма много», а может и потому, что через двести лет после основания Уржума никто и вспоминать не

хотел «ниже какие народы прежде сего в сем месте обитали». Впрочем, справедливость все же восторжествовала. На современном гербе Уржумского района изображена белка, поддерживающая сноп — «аллегория природы района, в которой лес и поле являют собой две неотъемлемые части одного целого».

И все же уржумская торговля если и не цвела, то развивалась. Купец и бургомистр Терентий Полстовалов на своем кожевенном заводе выделял красную и черную юфть и отправлял ее продавать в Оренбург. Вместе с братом Андреем он скупал дрова, строевой и крупный лес и отправлял в Астрахань. Тут только надо добавить, что торговали братья Полстоваловы, как тогда говорили, «несоответственно объявленных ими капиталов», чем вызвали крайнее неудовольствие вятского генерал-губернатора князя Мещерского, который предложил Вятскому наместническому правлению подобную торговлю прекратить.

Купцов в Уржуме и без всякого прекращения было раз-два и обчелся. В семьсот восемьдесят пятом году властями было велено открыть в городах Вятского наместничества шестигласные думы. В тех городах, в которых не были представлены все сословия — не было, к примеру, ремесленников, записанных в цехи, недостаточно купцов, рабочих или именитых граждан, предлагалось создать трехгласные думы. Так вот в Уржуме все так плохо обстояло с купцами и ремесленниками, что там поначалу не открыли не только трехгласную, но вообще никакую думу и сделали это лишь через восемь лет.

Кроме дарованного Уржуму герба с гусем и подтвержденного Екатериной Великой городского плана, расчерченного на аккуратные прямоугольники, предполагалось застроить центр каменными купеческими домами, уничтожить старое кладбище и на его месте устроить площадь для торговли сеном, дровами и всем тем, что можно выпилить, выстрогать и вытесать из дерева. И еще украсить Уржум питейным домом и торговыми рядами. И все это под присмотром и непосредственным участием уездного землемера и первого вятского губернского архитектора Филимона Рослякова.

И еще. Крестьянская война под предводительством Пугачева Уржумский уезд почти не затронула, несмотря на то что соседние уезды были охвачены волнениями. Шурминские заводы не только не были разоренными, но даже продолжали работу. Население, особенно марийское, бунтовать опасалось, поскольку слишком хорошо помнило, как ему досталось от властей за участие в разинских беспорядках. Да и в самом Уржуме, в отличие, к примеру, от соседних Малмыжа и Кильмези, было тихо. Сам Уржум, как сказал о нем еще во времена Смуты и крестьянской войны воевода Чемоданов в письме к князю Ухтомскому, «служил и прямил государю».

Кстати, о беспорядках. В семьсот восемьдесят втором году в Уржуме появилась полиция. Тогда это называлась управой благочиния. Поскольку в Уржуме было всего два квартала, то и квартальных надзирателей тоже было двое. К квартальным надзирателям полагалось два квартальных поручика. Их выбирали из числа граждан, населяющих квартал. Если же граждане не желали быть добровольными помощниками надзирателей, то... газ отключить не могли за его отсутствием, но назначали на эти должности чиновников. Вот и все устройство уржумской полиции. В самой управе благочиния председательствовал городничий, а вместе с ним два пристава уголовных и гражданских дел, а также два ратмана, то есть два заседателя, которых избирали уржумские граждане.

Теперь о городничем. В восемьсот восьмом году им был некто Дреер. На этого Дреера подал жалобу в Сенат коллежский секретарь Павел Разумов, в которой писал: «сего года февраля 15 города Уржума городничий Дреер за то, что он, Разумов, старался отвратить его от делаемой им по полудни в 8 часов безобразной и вредной общежитию по городу с зажженным пуком лучины и с шумом езды, причинил ему, Разумову, того же вечера тяжкую обиду, во первых в доме титулярного советника Трушетьова при многолюдном собрании насильственным выводом из компании, угрозами и поношениями чести его, потом уже в 10 часов по полудни же, посылкой к нему, Разумову, унтер-

офицера с двумя солдатами и четырьмя десятниками...» и еще долго описывает Разумов утеснения и поношения, которым подвергся он и его семья. Городничий, пока Разумов ездил жаловаться в Вятку, собственноручно вынес из его дома деньги, документы, увел скот, забрал съестные припасы... Разумов жаловался уездному стряпчему, губернскому прокурору, бывшему Вятскому гражданскому губернатору, входил с прошением на Высочайшее имя и даже писал императрице, прося денег на пропитание... Бог его знает почему Дреер катался по Уржуму с пукон горящей лучины с гиканьем и свистом – может, получил известие о переводе в Вятку столоначальником, может, дали ему за беспорочную службу орден св. Анны третьей степени или из секунд-майора стал он премьер-майором, может, просто был пьян и хотел осветить темный Уржум, в котором тогда не было ни одного фонаря. Бог его знает, почему Разумов стал призывать Дреера к порядку... Можно подумать, что никогда не видел он городничих, разъезжающих по городу с пукон горящей лучины, пусть бы даже и пьяных до безобразия.

Я бы и вспоминать об этом случае не стал, но в восемьсот восьмом году в Уржуме событий масштабнее этого не было. Правду говоря, и в предыдущем... Впрочем, нет, в предыдущем году такое событие было. По результатам работы сенатской комиссии предписано было губернским властям Уржумского уездного судью Разумова «тотчас отрешить от места».

Раз уж зашла речь об уржумских чиновниках, вернемся ненадолго в восемнадцатый век, в самый его конец. В девяносто шестом году сенатская комиссия по Вятской губернии предписала отрешить от должности «Уржумского уездного судью, коллежского асессора Зубкова, в рассуждении найденного нами, при осмотре беспорядка в делах Уржумского уездного суда, в коем именно нашли мы, что решительные по делам протоколы сочиняются не только прежде сочинения и подписания журналов, но и прежде положения присутствием резолюций, что есть совершенно противно узаконениям, крайний означает в производстве дел непорядок и большие открывает средства к запутанности и злоупотреблениям».

Судье Зубкову еще повезло. Секунд-майора Арбузова, бывшего земского исправника Уржумской округи за лихоимство и прочие должностные преступления эта же комиссия предписала лишить чинов, дворянства и сослать в Сибирь на поселение.

Заодно уж упомянем и уржумского уездного комиссара и провинциального секретаря Съенова, «который сверх того, что ведет себя как то свидетельствуют общий голос города и уезда, несоответственно свойствам кротости, доброхотства и трезвенности должности его приличным и предписанным, открылся еще в небрежении и сомнительной нерачительности о должности своей, в недостаточном бдении по оной, неискusstве и неисправности». Впрочем, такую характеристику Съенову сенатская комиссия дала уже в девятнадцатом веке – в восьмисотом году.

Девятнадцатый век в Уржуме долго не начинался. То есть он, конечно, открылся появлением в селе Ашлань первого в Уржумском уезде винокуренного завода, принадлежавшего помещикам Депрейсам, но до волков и овец, бесприданниц, бешеных денег и последних жертв было еще далеко. Уржум, говоря словами императора Александра Первого, жил «как при бабушке».

В восемьсот одиннадцатом году в Уржумский уезд, в село Буйское, к своей сестре Надежде, которая была замужем за сыном владельца завода Мосолова, приезжал Сергей Тимофеевич Аксаков – тогда еще просто молодой человек двадцати лет отроду, а не отец славянофилов в самом прямом смысле этого слова и знаменитый на всю Россию рыболов и охотник. Приезжал он трижды, но мы не стали бы вспоминать ни про один из этих визитов, кабы в «Записках ружейного охотника» Аксаков не написал бы: «...тамошние дремучие леса, идущие непрерывно до Архангельска, населены рябчиками в изобилии... Поднявшись с земли, рябчики сейчас садятся на деревья. Тут необходимо острое зрение, чтобы разглядеть их, спрятавшихся в густой и темной зелени сосен и елей. У туземцев...

способность эта развита в высшей степени, и я не один раз имел случай удивляться необыкновенной их зоркости».

За месяц до начала войны с Наполеоном, «В мае 1812 г. татарин Казанского уезда Бактемиров, придя на Буйский завод (Вятской губ., Уржумского у.), говорил, что турки победили русских и государь бежал: это видно из писем, получаемых богатыми татарами; он сказал также, что “татары скоро возьмут Казань, что и они умеют драться, и у них есть оружие”. Он слышал, что они переписываются с турками»¹¹.

Война двенадцатого года коснулась Уржума в той же степени, что и остальных провинциальных городов империи, очень далеких от театра боевых действий. Вятка и Уржум были назначены местами формирования вятского ополчения. На содержание ополчения собирали народные деньги. Потом, когда все закончилось, в уезде разместили пленных итальянцев и французов. Всего около двух сотен. В самом Уржуме разместили восемь французских офицеров. Пленным в уезде собрали полсотни шинелей и почти сотню пар лаптей. Лапти, конечно, не та обувь, которая нужна зимой пленному итальянцу или французу в тех местах, но... не всем хватило и лаптей. Пленным французским офицерам по предписанию председателя комитета министров было выдано одновременно по сто рублей на покупку одежды. Остальным было предложено на одежду заработать самим. И еще. В честь победы над Наполеоном в Уржуме было заложено новое здание Свято-Троицкого собора.

Уржум в первые два десятилетия девятнадцатого века был почти полностью деревянным. Еще и ветхим, по словам губернского землемера Родионова. Еще и вал со рвом, которые были на плане, утвержденном Екатериной Великой, был «...поныне не сделан». Перед войной с французами в городе было сто пять деревянных домов. В пятнадцатом году в городе произошло знаменательное событие – был построен первый каменный дом. В восемьсот двадцатом году половина из деревянных уржумских домов сгорела в результате опустошительного пожара. Дома, конечно, потом построили новые, а вот архива, сгоревшего вместе с административными зданиями, Уржум лишился навсегда. На следующий год заново было построено сто восемь домов. Стук топоров при этом строительстве стоял такой, что слышно было в соседнем Малмыже.

Через шесть лет после пожара утвердили второй план города, потому что город, предоставленный сам себе, все время норовил застроиться не аккуратными квадратными или прямоугольными кварталами, а узкими кривыми улочками и переулками, переплетенными и перепутанными так, что сам черт не разберет, где у них начало, а где конец. Не говоря о глухих тупиках, которые возникали в самых неподходящих местах буквально из ничего, из какого-нибудь покосившегося забора в три доски, старого корыта, в которое жители набросали мусора, и спящей в луже свиньи. В Уржуме восемьсот тридцатых годов было всего восемь улиц и переулков. Только одна улица была вымощена... не камнем, но деревом. В семи каменных домах проживало пять купцов, один мещанин и один священник. Купцов и всего-то было в городе восемь человек. Во всех остальных деревянных ста семидесяти четырех домах жили дворяне, чиновники, мещане, духовенство, солдаты и крестьяне. В те времена Уржум, если судить по данным переписи тридцать восьмого года, был городом военных и мещан. На тысячу двести жителей приходилось всего шесть помещиков, три учителя, девять священников, тридцать шесть церковнослужителей, двадцать девять крестьян, тридцать пять слуг, живущих при господах, тридцать восемь чиновников, а остальные ходили в военной форме или были мещанами.

Деревянным было и первое в городе и уезде одноклассное приходское училище, открытое в тридцать пятом году. Отдавать в училище своих детей уржумцы не спешили. Числилось в нем поначалу всего сорок четыре ученика. Тем не менее содержание училища обходилось городу в триста рублей в год. Полиция стоила Уржуму ровно в два раза дешевле. Дороже училища стоило только содержание пожарных лошадей и

чиновников. Если считать в училищах, то городской магистрат за год съедал немногим более четырех училищ, семь городских тюрем и почти девять годовых бюджетов полиции.

Скажем и о городской тюрьме, на которую власти тратили в год двести рублей. Сидели там в восемьсот тридцать восьмом году три десятка человек – большей частью государственные крестьяне из окрестных деревень. Сидели за воровство, мошенничество, бродяжничество, совращение в раскол и сокрытие беглых. Сидело и два взяточника. Как представишь, какого размера в то время в Уржуме были взятки... Курам на смех.

Была в Уржуме городская больница. Ее открыли еще во времена войны с французами. К ней уржумцы относились точно так же, как и к училищу. Старались ее не посещать. За год пришло в нее тридцать три человека, а своим ходом ушло тридцать два. Объединяло больницу с училищем еще и то, что помещались они в крайне ветхих зданиях – в училище протекала крыша, а в больницу с наступлением холодов и вовсе лучше было не приходить.

Двадцать восьмой год запомнился уржумцам делом о молении марийцев своим языческим богам в березовой роще Сернурской волости Уржумского езда. Собралось там около трех тысяч крещеных и некрещеных из Вятской, Казанской и Уфимской губерний, зажгли сто с лишним костров, сколотили столы, накрыли их белым полотном, приготовили жертвенных животных, стали молиться и... тут к ним приехал Уржумский земский исправник с православным священником и давай уговаривать их разойтись. Марийцы исправника со священником слушать не стали, и пришлось им уехать восвояси, но на следующий день исправник приступил к следствию по делу «О бывшем отправлении черемисами жертвоприношений по своему языческому обряду и суеверию». На следствии выяснилось, что одному из крещеных марийцев по имени Иван Токметев приснился вещий сон, из которого было ясно, что надо молиться о чудесном избавлении всего марийского народа от страшной напасти, каковая приснилась Ивану Токметеву в виде ужасной пропасти. В этой же деревне оказалось и еще два сновидца с такими же снами на эту же тему. Вятский губернатор, получив рапорт Уржумского исправника, немедленно доложил министру внутренних дел, а министр это дело довел до сведения обер-прокурора Св. Синода. Тот, в свою очередь, рассказал о нем Государю, который повелеть соизволил, чтобы никого из марийцев не притесняли и не наказывали «из снисхождения к их простоте». Их и не притесняли, но трех сновидцев тихонько взяли и отправили в Вятку для выяснения всех причин случившегося. После допроса всех троих отправили с квартальным надзирателем и солдатом, понимавшим марийский язык, в Петербург на новый допрос к действительному статскому советнику Филатьеву. Тот их всех допросил и отчет о допросе представил царю. Марийцев же поручили попечению священника Московской Богоявленской церкви Александра Покровского, и вместе с ним, прикомандированным офицером и еще одним на всякий случай рядовым они вернулись в Вятку, а из Вятки были отправлены в Уржум. Казенных денег на эту поездку было истрачено около тысячи трехсот рублей, которые списали на счет губернского казначейства. Тем дело и кончилось, но... оказалось, что у него имеется еще и постскриптум.

Спустя некоторое время выяснилось, что наивные марийцы надеялись на то, что тамошний земский исправник князь Девлет-Кильдеев хлопочет в Петербурге перед правительством о том, чтобы им разрешили остаться язычниками. Этим надеждам в них не давал умереть и местный дьякон, обещавший просить о том же Вятского архиерея. Шустрый дьякон даже собрал с них деньги на предстоящие по этому делу расходы...

В восемьсот тридцатом году в Вятской губернии появилась холера. Чтобы она не проникла в Казанскую губернию со стороны Уржумского уезда, на его границе была устроена застава из командированных губернским начальством «гражданских, военных и медицинских чиновников, местных обывателей и инвалидов и отставных нижних чинов». Что делали на этой заставе местные обыватели, а в особенности инвалидные и отставные нижние чины...

Через два года после холеры в уезде взбунтовались крестьяне помещика капитана Депрейса и титулярной советницы Наумовой. Бунтовщиков было всего восемь десятков, и хотели они доказать властям, что происходят от вольных стрельцов и закрепостили их неправильно. Отправили они своего доверенного человека в столицу с жалобой, а сами в ожидании положительного решения от доброго царя перестали ходить на барщину, косить, жать, веять, молотить и снимать шапки в присутствии капитана Депрейса и титулярной советницы Наумовой, еще не зная о том, что поверенный их уже препровожден из Петербурга по этапу в уржумскую тюрьму и ожидает присужденного ему наказания. Нечего и говорить о том, что уржумский уездный суд решил дело не в их пользу. Упорные крестьяне еще и отказались отдавать в рекруты трех человек и на все увещевания приехавшего к ним объявлять решение уездного суда отвечали так, как обычно отвечает злой, доведенный до крайнего ожесточения русский мужик. Исправник, даже не выслушав все слова, которыми его мужики аттестовали, уехал и вскоре вернулся, привезя с собой инвалидную команду и полторы сотни понятых, затем снова уехал и снова вернулся, и все с тем же результатом. Потомки свободных стрельцов рекрутов не отдавали и признавать вину отказывались. Привозили уговаривать крестьян их поверенного в делах, сидевшего в уржумской тюрьме. И это не помогло. Крестьяне кричали, что скорее умрут, чем станут повиноваться. Приехал даже и губернатор с чиновниками, но они слышали ровно то, что исправник выучил уже почти наизусть. Несколько крестьян все же повинились, но большая часть продолжала настаивать на своем вольном стрелецком происхождении. В конце концов прибыло полсотни солдат, оцепивших укрепленный двор, в котором находились крестьяне. Военный суд, состоявшийся там же, приговорил шесть зачинщиков прогнать шпицрутенами через пятьсот человек по двенадцать раз и сослать в Сибирь на поселение. Еще четверем дать по тысяче ударов батогами и разрешить помещикам отдать их в рекруты. Всем остальным велено было разойтись по домам, но прежде присутствовать при наказании зачинщиков. Губернатор приговор военного суда утвердил, но по доброте своей приказал прогонять сквозь строй шпицрутенов не по двенадцать, а всего по пять раз и вместо тысячи ударов батогами дать по двести. После исполнения приговора пять осужденных отправили в уржумскую больницу, а крестьяне разошлись по домам. Уездный судья в своем рапорте об исполнении приговора писал: «Уже по отпуске крестьян в свои дома одна женка Акулина Петрова бросилась в пруд, потому что муж ее первый принес сегодня повинную голову и пришел домой помещичьим, и утонула бы без пособия рядовых Госединского и Николаева; по многим способам и даже чрез пущения ей крови, жизнь ее приведена в безопасность: она под строгим военным и подлекарским надзором. Вот пример изступления! Она имеет трех малолетних детей и доброго мужа»¹². ~~Вспоминать горящие избы и остановленных коней в таком контексте даже нелепо.~~

В тридцать третьем году в уезде был построен еще один винокуренный, а точнее, спиртовой завод купца Лазаря Матвеева. Вообще можно выделить три направления в деятельности уржумских купцов и промышленников – металлургия, винокурение и торговля лесом. Металлургия в силу разных причин со временем зачахла, а вот лесоторговля и винокурение живут до сих пор. ~~И почему бы, собственно, им не жить — лес еще весь не вырублен, да и спилили еще не все.~~

Кстати о Лазаре Матвееве. Именно он подарил городу дом для приходского училища. Когда в Уржуме открылось трехклассное уездное училище, его разместили в том же доме под ветхой крышей, что и приходское. Уездное училище открылось не сразу. В восемьсот пятнадцатом году уржумские чиновники пожертвовали почти две с половиной сотни рублей, а купцы и мещане более четырехсот на его устройство, но этих средств было недостаточно, и открыть его смогли лишь через двадцать четыре года. «Уржумской 2-й гильдии купеческий сын Павел Матвеев, желая оказать несостоятельному городу Уржуму пользу, пожертвовал свой дом для помещения уездного

училища, которое затем и было открыто»¹³. Правда, на открытие гимназии в Вятке, еще в одиннадцатом году, он дал пять тысяч, и если бы эти деньги...

С деньгами у города было, мягко говоря, не очень. В тридцать седьмом году доходная часть уржумского бюджета составляла всего четыре с лишним тысячи рублей. Это меньше той суммы, которую Павел Матвеев... Ну, да что об этом вспоминать. Уржум в том году свел концы с концами, и даже осталось сто четыре рубля, а когда не сводил, то дефицит бюджета покрывали за счет поземельного сбора и добровольных пожертвований купцов и мещан. Последние просто скидывались, кто сколько сможет и покрывали недостачу. По распоряжению министра внутренних дел в некоторых городах с малыми доходами, в том числе и Уржуме, были учреждены особые комитеты, которые должны были заниматься поиском новых источников доходов.

Понемногу город благоустраивался. В тридцать шестом построили каменный гостинный ряд, который разберут на кирпичи в двадцатых годах следующего века, а восемьсот сорок первый год Уржум встречал сразу с тремя фонарями. Поставили их в центре города, около магистрата и других казенных учреждений. Сначала в фонари вставляли сальные свечи, а потом масляные светильники. В какой-нибудь Англии к тому времени газовое освещение было не только в городах, но даже и в деревнях... Впрочем, какое нам дело до Англии. Там, как говорил старик Мармеладов, политическая экономия.

В начале июня пятидесятого года в Уржум приехал чиновник для особых поручений при вятском губернаторе титулярный советник М.Е. Салтыков-Щедрин. В те поры он был еще просто Салтыковым. В Уржуме он проверял рапорты и отчеты городничего, бургомистра и собирал статистические данные для губернского статистического комитета. С уржумским городничим Михаил Евграфович был уже знаком заочно, поскольку состоял с ним в переписке по поводу эпидемии брюшного тифа, от которой умирали заключенные в местной тюрьме. Эпидемия то затихала, то усиливалась. Салтыков посылал в Уржум специального чиновника, чтобы тот на месте оценил обстановку, и сам писал городничему: «Делаю вам строжайший выговор за предыдущее донесение ваше, которым вы заверяете, что опасность от тесного помещения в Уржумской городской тюрьме уже миновалась, и вообще за вашу крайнюю нераспорядительность и непростительную небрежность в этом случае».

Само собой, что приехав в Уржум, Михаил Евграфович посетил тюрьму и нашел там то, что и не думал найти – прототип героя рассказа «Неприятное посещение». Прототипом, а вернее, тем еще типом, был врач Иван Васильевич Георгиевский – знаменитый на всю губернию кляузник. В тюрьму его упекли за «отъявленное поношение и непокорство власти». Врач ожидал решения Сената по своему делу. Собственно, с Георгиевским Салтыков-Щедрин тоже успел познакомиться заочно – некоторые из его бесчисленных жалоб разбирались в губернском правлении. Иван Васильевич не был идейным правдоискателем и обличителем существующих порядков – он был если и не совсем сумасшедшим, то человеком с очень большими странностями. В рассказе Георгиевский предстает тоже кляузником и тоже человеком странным, Павлом Трофимовичем Перегоренским, изобретателем трех наук: правдистики, патриотистики и монархомахии... Впрочем, эти науки к истории Уржума не имеют никакого отношения. Что же до Георгиевского, то он плохо кончил – его сослали в Тобольск с запрещением писать жалобы.

И еще одного человека в Уржумском уезде отыскал Салтыков-Щедрин – Макара Алексеевича Максимовых. Его Михаил Евграфович сделал прототипом рассказа «Хозяйственный мужичок». Макара Алексеевич был хозяином образцовой усадьбы в деревне Шишкино. Он и сам был образцовым – имел похвальный лист, подписанный министром государственных имуществ «за оказанное достохвальное соревнование в разведении картофеля», получил большую золотую медаль на вятской сельскохозяйственной выставке восемьсот пятидесятого года и даже написал статью о

разведении картофеля в журнал министерства государственных имуществ... Рассказывать о нем так же скучно, как о гоголевских Муразове и Костанжогло.

Кстати, о картофеле. Крестьяне уржумского уезда и уржумские горожане совсем не рвались его высевать. Случались и картофельные бунты, а потому картофельные поля огораживали кольями с волостной печатью. Не выращивали не только картошку или, скажем, помидоры, но даже и огурцы, петрушку, редиску и укроп. Питались редькой, капустой, свеклой, морковкой и горохом. Зато разводили пчел, охотились и рыбачили. Рыбы в Уржумке, а тем более в Вятке, было много – и окунь, и сорога, и щука, и линь, и язь, и судак, и стерлядь, и карась, и лещ, и осетр, и сом, и налим, и ерш, и жерех, и уклейка, которую в этих краях называют шеклеей. В середине позапрошлого века только в Уржумке вылавливали в год до ста пудов рыбы. О Вятке и говорить нечего. Тут надо бы добавить, что теперь о такой рыбе можно только вспоминать и ловят уржумцы только замороженного хека в магазине, но... не ловят в магазине. Ловят рыбу в Уржумке и в Вятке. Слава Богу, она и сейчас есть в достаточном количестве.

Вторая половина девятнадцатого века и начало двадцатого были золотым веком Уржума. Немного, конечно, если иметь в виду четыреста с лишним лет истории города, но у нас золотым веком может быть и десять лет железного. Богатое уржумское купечество, а среди него были и купцы первой гильдии, застраивали центральную Воскресенскую улицу каменными особняками. Дом лесопромышленника Шамова и вовсе тянулся по Воскресенской улице целый квартал. Типовых проектов не было – только индивидуальные. Да и сама центральная улица была вымощена круглым булыжником. В шестьдесят девятом году в городе с населением две с половиной тысячи человек имелось пятьдесят три лавки, т.е. приблизительно по лавке на каждые полсотни уржумцев. Судя по количеству самых разнообразных ремесленников, в Уржуме в середине девятнадцатого века можно было жизнью жуировать. В городе работали тридцать пять башмачников, четыре модистки, тридцать три портных, шесть шапочников и картузников, шесть рукавичников, шестьдесят пять сапожников, два кондитера, два с половиной десятка калачников и калачниц, два пряничника, два уксусника... ~~Где теперь все эти башмачники, портные, шапочники, картузники и рукавичники? Живут себе в какой-нибудь провинции Гуандун или Сычуань и целым днями шьют, шьют, шьют...~~

Скажем и о культурной жизни. В Уржуме и уезде стали выписывать и читать газеты – более шестидесяти наименований журналов и газет, среди которых «Душеполезное Чтение», «Дух Христианства», «Сын Отечества», «Модный магазин», «Православный собеседник», «Московские ведомости», «Земледельческая газета», «Заноза», «Санкт-Петербургский листок», «Северная почта», «Русский листок», «Журнал для детей», «Будильник», «Медицинский журнал», «Якорь», «Учитель», «Журнал для родителей», «Отечественные записки», «Биржевые ведомости», «Творения Св. Отцов», «Рижский листок», «Собрание романов», «Тульские Епархиальные ведомости»... Более всех выписывали газет и журналов чиновники, заводчики и их конторы. За ними шли городские священники, потом уездные крестьяне и сельские священники. Причем крестьяне выписывали почти столько же газет, что и купцы.

Теперь о книгах. Их тоже начали покупать крестьяне. В шестьдесят втором году крестьяне Уржумского уезда покупали более всего букварей, книжку «Житие с. Великомученицы Катерины», «О Луне», сказки Пушкина и две книжки с несколько обидными названиями «Сборник русских стихотворений для чтения простолюдинам» и «Сборник некоторых понятных народу повествований, рассказов и описаний»¹⁴.

Кстати, о народе. В пятьдесят пятом году из жителей города и уезда сформировали две дружины ополченцев численностью почти в две тысячи человек для участия в Крымской кампании. Начальником одной из дружин пожелал стать отставной штабс-капитан Мосолов – из тех самых Мосоловых, которые владели металлургическими заводами. Он на свой счет обеспечил ополченцев топорами и лопатами. В Вятке при большом стечении народа ополченцам вручили знамена, и уржумские дружины вместе с

другими вятскими дружинами двинулись по направлению к Петербургу через Козмодемьянск, Казань, Нижний и далее в Москву. И проводы, и встреча ополченцев в городах, через которые они проходили, были очень торжественными. Правда, когда они дошли уже до Владимирской губернии, получено было Высочайшее повеление о роспуске ополчения по домам по случаю окончания военных действий и заключения мира в Париже. Так же торжественно пошли домой. Дома рядовым из собранных денег раздали небольшие премии, каждому ополченцу отдали его форму и разрешили носить ополченский крест на фуражке или на груди. Офицерам ополченцам тоже разрешили ношение крестов. Все вступившие в ополчение гражданские чиновники получили годовой оклад офицерского жалованья. Слухи о том, что крестьянам, вступившим в ополчение, дадут вольную вместе семьями, оказались ложными.

Вернемся к книгам. В Уржуме к концу девятнадцатого века работали целых три библиотеки – для земских служащих при уездной управе, публичная библиотека при городской управе, открытая в восемьдесят третьем году, и бесплатная библиотека-читальня, существовавшая за счет городской казны и за счет средств, собираемых по подписке, которую открыли в девяносто пятом. В публичной библиотеке при городской управе за пользование книгами надо было платить от сорока до шестидесяти копеек в месяц. За эти деньги можно было на городском базаре купить воз сухих колотых дров. Дорого выходило читать. Зато в библиотеке-читальне, в которой уже через два года после открытия числилось семьсот читателей, а еще через год почти две тысячи, было более двух тысяч томов, которые можно было читать совершенно бесплатно. Приходили в нее записываться и жители близлежащих к Уржуму волостей¹⁵. В библиотеке еще и устраивались народные чтения с волшебными фонарями. В ней даже работал библиотекарь, получавший шесть рублей в месяц. Можно, конечно, и посмеяться над зарплатой библиотекаря, но, во-первых, будем помнить, что это Уржум, а не Москва и даже не Вятка, а во-вторых... крошечная зарплата, что и говорить. Можно было ноги протянуть на такую зарплату, но наверняка библиотекарь имел свой огород, козу, корову, кроликов и даже поросенка. В-третьих, если мы посмотрим на зарплату нынешнего уржумского библиотекаря... Без слез на нее и не взглянешь. Думаете, нынешнему библиотекарю можно обойтись без огорода, кур и кроликов и даже поросенка? Без поросенка и коровы, наверное, можно, но только без них, а уж без огорода и мужниной зарплаты никак.

Мы, однако, отвлеклись. В шестьдесят первом году, после отмены крепостного права, начались волнения рабочих на металлургических заводах Мосоловых в Шурме и Буе. Заводы и без того еле сводили концы с концами – местного сырья было... почти уже и не было. Руду приходилось возить из мест, отдаленных почти на сто верст. Да и в той содержание железа было невелико. И это при отсутствии железных дорог. Надо было сокращать производство, а в некоторых случаях даже прекращать совсем. Мосоловы, наверное, и продали бы заводы, но покупателей не находилось и потому заводы были взяты в казенное управление, а рабочих, которые добивались бесплатного выделения им земельных наделов, леса, выгонов и вознаграждения за выслугу лет, устроили земский исправник, мировой посредник и полиция, которая придавала словам земского исправника и мирового посредника убедительности. В восемьдесят шестом году заводы, приносившие к этому времени большие убытки, были закрыты. В полночь, после закрытия, рабочие превратились в крестьян, их трамбовки, пробивные буры, молоты и изложницы, в которые разливали чугун, превратились в тыквы, грабли, капусту и косы. Даже страшные заводские крысы, отгрызавшие по ночам облой у еще теплых слитков передельного чугуна, превратились в безобидных мышей-землероек и разбежались по окрестным полям и лесам.

От заводов Мосоловых остались в местном краеведческом музее небольшие чугунные мортиры для подачи сигналов в тумане, мушкет, железный багор для вылавливания дров из воды, три чугунных сковородки, железные светцы и чугунная

плита, которую в конце восемнадцатого века продавали на базарах как заготовку. Из нее можно было выковать, высверлить и выпилить все, что захочешь. Уж такое тогда было время – многие вещи приходилось делать своими руками. Хорошо, если их можно было вырезать из дерева или сплести из какой-нибудь березовой или липовой коры, а как нельзя, то приходилось брать в руки чугуна и...

Накануне девятисот семнадцатого года то, что осталось от Шурминского завода, купил Иван Иванович Ершов, и в годы НЭПа завод выпускал молотилки, принимал заказы на чугунное литье и ремонтировал сельскохозяйственную технику... Впрочем, все это уже было после золотого века, в самом начале железного.

В золотом же, в шестьдесят седьмом году, была открыта земская больница, уездная земская почта и выпущены первые почтовые марки с гербом Уржума, ~~на котором вместе с гербом~~ ~~был изображен орел с гусем в когтях, парящий над голубой лентой Уржумки.~~ На добровольные пожертвования был заложен городской общественный сад. Ровно через год корреспондент «Губернских ведомостей» сообщал из Уржума: «Уржумское общество за последнее время начало выходить из той прожитой апатии, которая назад тому год лежала особенным отпечатком на большинстве уездных городов России. Старая непроизводительно-патриархальная жизнь стала надоедать обществу, и оно, как заметно, разом решило выйти из-под ее гнета. В настоящее время в Уржуме совершается какое-то особенное движение. Почти разом возникли здесь: клуб, книжная торговля и библиотека для чтения. Прежде всего открыт здесь клуб; сумма, собранная на клуб, говорят, очень значительна, так что даже позволяла, будто бы, распорядителям давать вечера с открытым буфетом для всех посетителей... Жаль только, что у здешнего общества проявляются предрассудки вовсе не прогрессивные. Так большого труда стоило некоторым лицам попасть в число посетителей клуба по той будто бы причине, что они не относятся, так сказать, к благородному сословию по происхождению, а просто – мещане... Это было бы в известной доле извинительно, если б уржумское население отличалось родовыми сословными достоинствами, но этого сказать нельзя»¹⁶.

Зря, конечно, высшее уржумское общество игнорировало мещан. Без них картина уржумского процветания была бы далеко не полной. Возьмем, к примеру, Прокопия Рухлядьева, который на своей маслобойне лишь за один восемьдесят восьмой год произвел сто двадцать пудов льняного масла. Этого количества хватило бы, чтобы одновременно умаслить всех уржумцев, включая женщин, стариков и грудных детей. Каждому досталось бы почти по пол-литра масла. И такая маслобойня в Уржуме была не одна. Уржумский мещанин Иван Перевозчиков в своем сушечном заведении производил в восемьдесят четвертом году пятьсот пятьдесят пудов сушек. Если бы в те годы городские власти догадались устроить чемпионат Уржума по производству сушек, то на втором месте было бы сушечное заведение мещанина Ивана Ширкина, производившее четыреста пудов сушек в год, а третье место досталось бы мещанину Устину Токмачеву и его двум пекарям, которые выпекали триста пудов сушек. Кстати, о количестве рабочих, делавших сушки. Первое место обеспечили четыре человека, а второе – три. Прибавим сюда еще два кожевенных завода, принадлежавшие мещанам Григорию Тяпкину и Дмитрию Сазонову¹⁷. По тысяче двести обработанных кож в год выпускал каждый завод. И это при том, что на заводе у Сазонова работало три человека, а у Тяпкина – два. ~~В Москве или даже в Казани такие заводы назывались бы...~~

Не отставали от мещан и крестьяне. Самая крупная в уезде маслобойня крестьянина Лариона Щинова произвела полторы сотни пудов постного льняного масла. Крестьянин Потап Попов в восемьдесят первом году основал паточный завод. В год четыре человека на его заводе производили триста пудов патоки. Делали они ее из картошки, которой выращивали шесть с половиной тысяч пудов в год. При этом ни Прокопий Рухлядьев, ни Иван Перевозчиков, ни тем более Ларион Щинов и Потап Попов в уржумский клуб с открытым буфетом даже и не думали проситься.

И вообще свет клином на этом клубе не сошелся. Житель Уржума в одном из номеров Губернских ведомостей за шестьдесят шестой год писал: «Город наш далеко не беден общественными удовольствиями и в этом отношении не только не отстает от городов нашей губернии, но даже и оставляет за собою многие из них, даже более многолюдные... Город наш имеет, во-первых, театр, устроенный в нарочно нанятом частном здании, с платою по пятьдесят рублей в год. Здание это, прежде занимаемое инвалидной командой, ныне отлично приспособлено к своей цели; издержано всего на устройство двести рублей. Деньги эти собраны подпиской некоторыми служащими с возвратом долга из сбора со спектаклей... Всех спектаклей было в продолжение текущего года четыре... Но не один только театр доставляет Уржумской публике общественное развлечение. У нас было в течение этого года два бала по подписке, один первого января, другой пятого февраля. Балы эти были весьма многолюдные, и отраднее было видеть на них, в первый раз, и наше городское купечество»¹⁸.

Теперь о купечестве эпохи уржумского *âge d'or*. В семьдесят восьмом году купец второй гильдии Сметанин открыл мыловаренный завод, и через десять лет на этом заводе всего два работника варили тысячу пудов мраморного мыла в год. На другом заводе Сметанина трое взрослых и два подростка ежегодно выпускали двести пудов сальных свечей. В селе Лазареве на берегу речки Ройки изо всех сил работал завод купца первой гильдии Лазаря Павловича Матвеева, основанный еще в восемьсот тридцать третьем году и производивший в восемьдесят восьмом году почти девяносто тысяч ведер спирта. И это был уже спад производства потому, что выросли цены на хлеб, а за шесть лет до этого на заводе производили в два раза больше спирта. По объемам производства Ройский завод занимал четвертое место в губернии среди сорока заводов. Спирт сбывали не только в Уржуме, которому столько было не выпить, но даже и в Казани, Нижнем Новгороде, Петербурге, Вологде, не говоря о соседних уездах¹⁹. Рядом со спиртовым заводом работал стекольный, делавший тару. Имелся у Лазарева еще и водочный завод. В восемьсот восемьдесят пятом году на нем произвели девятьсот ведер водки и наливок. Мед, ягоды и сушеные цветы для наливок закупали в Уржумском и соседнем Малмыжском уездах. Между прочим, все эти девятьсот ведер производили всего три человека, а на всех лазаревских заводах работало около шестидесяти человек. С винокуренными заводами в Уржумском уезде и вообще все обстояло хорошо. В селе Ашлань работал еще один винокуренный завод, принадлежавший коллежскому регистратору Депрейсу. По сравнению с лазаревским заводом он был просто карлик и производил всего сорок тысяч ведер спирта. В деревне Старое Липово пиво-медоваренный завод отставного поручика Андрея Алексеевича Садовеня производил до четырех тысяч ведер баварского пива и шестьсот ведер медового напитка в год²⁰. Добавим к этим заводам еще один пиво-медоваренный завод купца Онохова, основанный в пятьдесят восьмом году и производивший в год около пяти тысяч ведер пива и две сотни ведер меда. Оноховские пиво и мед расходились в Уржуме и уезде. На этом промышленном гиганте работало шесть человек.

Лесом и хлебом торговали в Уржумском уезде несколько семей – братья Бушковы, Шамовы и Горбуновы. Все они были староверами и все государственными крестьянами. Почему-то не записывались в купцы, хотя капиталов у них было столько, сколько имелось не у всякого купца первой гильдии. Жили большей частью в селе Русский Турек, на берегу Вятки, в двух десятках километрах от Уржума. Русский Турек был центром лесоторговли всей Вятской губернии. Дома у лесоторговцев были такими, что и в Уржуме... да что там в Уржуме – и в самой Вятке было немного домов, для строительства которых приглашали архитекторов из Италии, если вообще такие были. В девятьсот втором году братья Миней и Федор Бушковы построили буксирный пароход «Лесопромышленник», ходивший сначала по Волге, а потом по Каме до конца пятидесятых годов. В домах Бушковых имелся водопровод, к девятьсот четырнадцатому году появилось электричество (хотя лампочки Ильича в этих краях появились лишь в

середине двадцатого века чуть ли не при втором Ильиче), была земская библиотека, театр, парк, фонтаны, кедровая аллея... Нет, в Уржум они иногда приезжали по делам. У них и там были свои дома. Как-то раз, в семьдесят девятом году, уржумцы решили учредить стипендии для учащихся городской женской прогимназии и открыли для этого подписку как раз в клубе, в который пускали не всех. Приехавших из Русского Турека, однако, пустили. За один день подписки было собрано более восьмисот рублей. Шестьсот из них дали лесоторговцы.

Конечно, и в золотом веке Уржума случались бронзовые и даже железные годы. К примеру, четыре пожара за одно лето шестьдесят шестого года. Во время первого пожара казначей Лопатин, рискуя собственной жизнью, вынес из горящего казначейства в церковную лавку все городские деньги и все казенное имущество. Во время второго загорелось масло, которое варили для окраски крыши Казанской церкви. Потом, как передавал из Уржума корреспондент «Губернских ведомостей», «нашли в городе подметное письмо, в котором неизвестный человек пишет, что “он обязался сжечь г. Уржум, что и исполнит, так что к концу августа останутся в городе одни только церкви”»²¹. Тут уж натурально началась в городе паника и люди боялись выходить из домов, опасаясь поджогов. Власти поставили на одной из городских колоколен караул и устроили постоянные дневные и ночные обходы. Что касается местной пожарной части, то она как не имела достаточного количества багров, бочек и других средств пожаротушения – так и продолжала их не иметь. В семьдесят седьмом Уржумский уезд пострадал от неурожая. Так пострадал, что пришлось просить об открытии кредита уезду из губернского продовольственного капитала на продовольствие и на посевную. В восьмидесятом году снова пожар. Правда, сгорел всего один дом, зато это был земский дом, в котором помещались и уездное присутствие по воинским делам, и комитет красного креста, и ссудо-сберегательное товарищество. Как пожарная команда ни старалась, а портрет Государя Императора, мера роста, икона, мебель, медицинские инструменты, большая часть архивных дел, собрание узаконений и распоряжений правительства сгорели без остатка.

И еще. В «Календаре Вятской губернии» за восемьдесят четвертый год в статье «Поверья и обряды в Уржумском уезде» написано, что «для произведения выкидыша забеременевшие в Уржуме пьют, между прочим, купорос».

Теперь оставим процветающий Уржум богатых купцов лесопромышленников и мещан с их сотнями и тысячами пудов мыла, сальных свечей, тысячами ведер спирта, водки, наливки, оставим три городских библиотеки с множеством книг, книжный склад, земскую аптеку, городскую больницу, первый в Вятской губернии потребительский кооператив, пятьдесят шесть училищ, которыми обзавелись город и уезд к концу девятнадцатого века, оставим открывшуюся в конце восьмидесятых метеостанцию, Уржумское благотворительное общество и устроенный им детский приют, восьмиклассную женскую гимназию, частную типографию и, как заглядывают в чулан или погреб, заглянем в Уржум ссыльных поляков, народовольцев, террористов, эсеров и первых, еще мелких, еще с незаросшими родничками, но уже опасных, как энцефалитные клещи по весне, большевиков.

Поляков сюда начали ссылать еще в тридцатых годах девятнадцатого века – сразу после «спора славян между собою». Они здесь померзли, помыкались, пожили впроголодь на съемных углах, поработали на черных работах и, как только правительство разрешило им покинуть этот негостеприимный для них край, почти все уехали домой, в Польшу. С революционерами все было не так просто. Некоторых сюда и присылать не надо было. К примеру, Егор Созонов – эсер, террорист и убийца министра внутренних дел Плеве родился в селе Петровском Уржумского уезда. Правда, в одиннадцать лет родители Созонова увезли его в Уфу. В том же возрасте покинула родное село в Уржумском уезде дочь священника, в последствии народоволка и террористка Анна Якимова, проходившая по делу об убийстве Александра Второго. Родом из села Буйского был Александр

Малченко – член петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», принимавший непосредственное участие в его создании. Малченко даже попал на одну фотографию с вождем мирового пролетариата, Мартовым, Кржижановским и еще тремя товарищами. Не помогла фотография. В конце двадцать девятого года его арестовали и через год расстреляли как американского шпиона и контрреволюционера. С фотографии тоже убрали.

Остальные в Уржум и уезд попадали разными способами. Народник Валериан Спасский состоял в известном кружке анархиста и террориста Нечаева. Был арестован, но освобожден за недостатком улик. Заведовал сельской больницей в Уржумском уезде. Снова был арестован и отсидел в Вятской тюрьме полгода. Вернулся в Уржумский уезд и продолжал заведовать больницей до самой смерти, которая наступила от брюшного тифа в семьдесят пятом году. Спасский был безобидным революционером, если, конечно, так можно сказать. Ни подкопов, ни бомб, ни терактов не планировал. При обыске нашел у него исправник книжку Чернышевского, тетради с выписками и письмо от его уржумского товарища об аресте в Вятке еще одного революционера. Этого хватило, чтобы полгода просидеть в одиночной камере Вятской тюрьмы. ~~Сейчас бы ему~~

Софья Лаврова – дочь польского повстанца, сестра жены Кропоткина, одна из организаторов его побега, последовательница Бакунина, вела пропаганду среди крестьян, жила под чужой фамилией, сидела в Петропавловской крепости, была сослана в Уржум под негласный надзор полиции, спустя два года переехала в соседний Нолинск и после освобождения укатила в Париж. Впрочем, все это птицы большого полета, а социал-демократический кружок в Уржуме организовали не столько журавли, сколько синицы от революционного движения. Жили они в Уржуме, в доме, который уржумцы называли «Ноевым ковчегом». Это была интернациональная коммуна, состоявшая из одного грека, двух латышей и двух поляков. С девятьсот третьего года группу уржумских социал-демократов, подчинявшуюся Вятскому комитету РСДРП, возглавлял ссыльный студент Спиридон Мавромати. Стоял этот дом на углу улиц Кирова и Революционной, которые тогда назывались Полстоваловской и Бересневской.

Именно в этот дом к Спиридону Мавромати ходил разговаривать запрещенные разговоры Сергей Миронович Киров, который тогда назывался Сережей Костриковым²². Именно там его научили печатать революционные прокламации на гектографе, и именно там началось для него все то, что потом плохо кончилось²³.

Оставим Уржум ссыльных революционеров и вернемся в Уржум обычных людей. В девятисотом году был освящен главный престол строившегося шесть лет грандиозного по уржумским и даже по губернским меркам городского Троицкого собора²⁴. Строили собор не по типовому, а по индивидуальному проекту вятского архитектора Дружинина. Рассказывали даже, что всякий раз, как только строители собирались возвести купол, уржумские купцы просили выложить еще несколько рядов кирпичной кладки, чтобы собор был повыше. Легенда красивая, но денег на его строительство местное купечество и правда не пожалело. Только лесопромышленник Сергей Иванович Стародубцев пожертвовал на строительство собора полтора миллиона кирпичей и семь тысяч рублей. Фактически это была почти вся необходимая для завершения работ сумма. Стародубцев и вообще денег для города не жалел – жертвовал он деньги и на строительство «Народной аудитории», в которой помещалась библиотека, и на строительство реального училища, и на строительство богадельни для пожилых женщин.

Что же до «Народной аудитории», то она уржумцам служила еще и в качестве театра. Спектакли ставились самые различные – от пьес Шекспира, Толстого и Островского до водевиля Крестовского «Ворона в павлиньих перьях». Был в Уржуме кружок любителей музыкального и драматического искусств. В музее под стеклом хранится его устав, красиво отпечатанный в местной типографии в девятьсот пятом году. Устраивались музыкальные концерты, ставили оперетты, хоровые номера из опер и даже сами оперы, например, «Аида» или «Жизнь за царя». Кто только не играл в этих

спектаклях и не пел на этих концертах – и инспектор народных училищ, и жена председателя земской управы, и уездные врачи, и судейские чиновники, и учителя. Спектакли ставили не только на сцене «Народной аудитории», но и в реальном училище, и на квартирах местной интеллигенции. В Уржумском краеведческом музее под стеклом лежит приглашение на один из таких любительских спектаклей: «Милостивый государь, имею честь покорнейше просить вас почтить своим присутствием мой бенефис в четверг 12 июня. Представлено будет: в первом отделении “Разрушение Помпеи” комедия в трех действиях. Роль антрепренера Вавилова исп. А.Ф. Федоров. Во втором отделении “Бал на кухне или наша уржумская прислуга”. Водевиль с пением и танцами в одном действии. Роль повара исполнит А.Ф. Федоров. Начало ровно в половине девятого вечера. С почтением бенефициант А.Ф. Федоров». Вы только представьте себе – на сотни верст вокруг непроходимые леса, медведи первой и второй гильдий, ботвиньи, дикие бородатые мужики²⁵, волки, рыжики, опята, старообрядцы, трескучие морозы, расстегаи, политические ссыльные, а в Уржуме разрушение Помпеи и бал на кухне с пением и танцами.

Звездой уржумской театральной и оперной сцены был преподаватель рисования реального училища Федор Логинович Ларионов. Спектакли, как правило, были благотворительные. Например, в пользу бедных или, как тогда говорили, «недостаточных» учениц женской прогимназии или учеников реального училища. Логинов был автором проекта колокольни Митрофаниевской кладбищенской церкви, постройка которой закончилась перед самой войной, в тринадцатом году. Колокольня, кроме того что служила, собственно, колокольной, была еще и пожарной каланчой, поскольку имела под куполом смотровую круговую галерею, по которой ходил караульный пожарный. Говорят, что во время больших холодов с колокольни при помощи специального механизма подавался знак, что занятия в школах отменены. Едва ли найдется еще колокольня, на которую с такой надеждой были устремлены детские взоры. Круговая пожарная галерея и спасла саму колокольню от разбора на кирпичи, а саму церковь, построенную в середине девятнадцатого века, не смогла спасти – в тридцать седьмом ее закрыли и отдали под детскую техническую станцию, а разобрали на кирпичи в конце сороковых и построили на ее месте пожарную часть.

В девятьсот девятом году стали строить реальное училище, о необходимости которого говорили уже тридцать с лишним лет. Город собрал на его строительство внушительную сумму. Уржумское купечество было в первых рядах жертвователей. Деньги дало и земство, и министерство народного просвещения. Училище, как и городской собор, было выстроено из красного кирпича. Николай Заболоцкий, учившийся в Уржумском реальном училище с тринадцатого по двадцатый год, вспоминал: «Реальное училище было великолепно... Оборудование школы было не только хорошо, но сделало бы честь любому столичному училищу. Впоследствии, будучи ленинградским студентом, я давал пробные уроки в некоторых школах Ленинграда, но ни одна из них не шла в сравнение с нашим реальным училищем, расположенным в ста восьмидесяти километрах от железной дороги. У нас были большие, чистые и светлые классы, отличные кабинеты и аудитории по физике и химии, где скамьи располагались амфитеатром, и нам отовсюду были видны те опыты, которые демонстрировал учитель. Особенно великолепен был класс для рисования. Это тоже был амфитеатр, где каждый из нас имел отдельный мольберт. Вокруг стояли статуи – копии античных скульптур». Только представьте себе – вокруг... а в Уржуме амфитеатр, мольберты у каждого и копии античных статуй.

Вокруг... все было тихо, несмотря на идущую где-то далеко первую мировую. Правда, в шестнадцатом году началась продразверстка и крестьян обязали продавать зерно государству, правда, продавать, а не отдавать даром, правда, к шестнадцатому году стали пропадать некоторые товары, правда, стали приезжать раненые солдаты с фронта и привозить с собой брюшной тиф и испанку, правда, начался кризис в промышленности – винокуренные и стекольные предприятия из-за введения сухого закона стали закрываться.

Даже лесопромышленники стали испытывать трудности. Правда, Бушковым все же удавалось держаться на плаву – они заготавливали березу для ружейных прикладов. Сокращались посевные площади, лошадей забирали в армию, правда, за них еще платили деньги. Стали дорожать керосин, ситец, соль. Участники последнего, перед февралем семнадцатого года, заседания земства, еще не знающие, что оно последнее, ассигновали тысячу рублей на расходы по ходатайству о проведении железной дороги, решили образовать при земской управе железнодорожную комиссию, обсуждали введение в женской гимназии новых предметов, решали вопрос об оплате проезда библиотекарей на уездные совещания по народному образованию, заслушали доклад о заготовке сахара для населения и просили управление Генерального штаба предоставить в распоряжение Уржумской городской управы тысячу пленных немцев для раздачи их сельским хозяйствам. С пленными немцами все получилось – их старые власти еще успели выдать, и они проработали на местных полях до семнадцатого года, но о железной дороге хлопотать уже было не перед кем. Совещания по народному образованию, оплата проезда библиотекарям, новые предметы в гимназии и сахар для населения – все это висело на тонкой ниточке, готовой вот-вот оборваться.

С февраля по май все радовались наступившим переменам – не стало исправников и в одночасье как сквозь землю провалились городовые. Назначили уездным комиссаром Временного правительства Александра Депрейса, который до этого был председателем уездной управы, уржумские эсеры стали издавать свою газету, учащиеся реального училища организовали «Союз учащихся» и даже добились права посещать педсоветы. Заодно революционно настроенные реалисты побили стекла в доме строгой учительницы по французскому языку. Наступило время митингов, пламенных речей, резолюций, прокламаций и приветственных телеграмм. Первого мая семнадцатого года на рыночной площади Уржума собрался на митинг весь город. С балкона городской управы выступали ораторы от всех партий, имевшихся в Уржуме. Говорили и даже кричали о свободе, которая приходит нагая, бросая на сердце цветы. Один эсер, правда, крикнул в толпу «Вы не доросли до свободы!»²⁶ Правда, всего один. Митинг закончился арестом уездного комиссара, председателя уездной земской управы, бывшего главы города и препровождением их в городскую тюрьму.

Летом наступило время съездов – партийных, крестьянских и учительских. Эсеры стали объединяться с большевиками. Большевики, руководимые Николаем Елкиным, запросили у своего ЦК инструкций и получили в ответ письмо из секретариата, в котором было указано на «недопустимость никакого блока с оппортунистическими партиями меньшевиков и эсеров».

В декабре семнадцатого года в Уржуме прошел первый уездный съезд крестьянских депутатов. К тому времени крестьяне в уезде уже успели разгромить продовольственную управу, захватить и разграбить имения Бушковых, Депрейса и Матвеевых. Большевиков в Уржуме было очень мало – едва десяток. Только в начале января восемнадцатого года в Уржуме была создана первая большевистская ячейка. Одновременно со съездом крестьянских депутатов в Уржуме проходило уездное Земское собрание, крестьянский съезд не признававшее. Три раза крестьянский съезд предлагал Земскому собранию сложить полномочия и передать власть Советам, но только на третий раз, после угрозы распустить собрание, Земское собрание вынужденно согласилось. В восемнадцатом году уже было ясно, что караул может устать. Немедля Совет послал приветственную телеграмму ВЦИК: «Уржумский Совет крестьянских, солдатских и рабочих депутатов, организованный 7 января и взявший власть в уезде, шлет привет». ВЦИК отвечал: «Вы делаете большую ошибку, если ждете точных указаний. В этом деле необходима самостоятельность и инициатива. Если Вы будете делать ошибки – не беда, так как на ошибках именно и учатся, 13 руб. от Вас мы получили 12, а 14 января Вам послано об этом уведомление. Подписка на «Правду» передана в экспедицию, а 3 рубля и подписка на «Вопросы страхования» послана в журнал. Выборы в думу, конечно, должны

быть проведены по классовому принципу, т. е. только трудящиеся должны иметь право голоса, а буржуазия должна быть его лишена».

Самодетельности и инициативы местным большевикам было не занимать. Для начала они национализировали здание уржумского кинематографа, потом кожевенный завод, потом дома известных промышленников и купцов, потом автомобили, потом типографию и, как только типография оказалась в их руках, в Уржуме вышел первый номер газеты «Голос народа». В середине мая уездный исполком организовал дружины для реквизиции хлеба у крестьян и в начале июня принял постановление об отправке в столицу пяти тысяч пудов хлеба. Правду говоря, хлеб в уезде имелся в достаточном количестве – еще не были проедены запасы шестнадцатого года. Вот только новая власть хотела брать зерно по четыре двадцать за пуд, а на черном рынке его цена доходила до полутора сотен рублей. То есть она только поначалу хотела за него платить деньги, а потом... Продотрядовцев в уезде хватало – их присылали из Вятки, их присылали из Москвы, но вооруженных отрядов еще не было – местные левые эсеры, из которых состоял уездный исполком, из всех сил противились их присылке. Доводы у них были разумные – военные могли съесть больше, чем заготовят, денег им нужно платить много, крестьян, которые и так на продотряды смотрят волками, это озлобит окончательно, и они могут восстать, и вообще можно вместо присылки военных поднять закупочные цены в два или даже в четыре раза...

Первый Московский продовольственный полк под командой бывшего штабс-капитана и георгиевского кавалера Степанова прибыл в Вятскую губернию уже девятого июня, а в конце месяца появился в Уржуме. (В скобках заметим, что двадцать третьего июня в Уржуме состоялся концерт, устроенный оркестром местных любителей классической музыки. В программе была ария «На воздушном океане» из оперы «Демон», которую исполнил Федор Логинов в сопровождении струнного оркестра, каватина «Любви роскошная звезда» из «Руслана и Людмилы» и увертюра к «Фаусту» Гуно.) Начались реквизиции, а вместе с ними грабежи, изнасилования, поголовное пьянство и спекуляция отобранном хлебом. Надо сказать, что местные крестьяне были не любители подставлять вторую щеку. У многих в хозяйствах имелись не только вилы с топорами, но и винтовки с пулеметами. Попавших в засады степановцев в плен не брали. Комиссару одного из продотрядов отрезали нос, язык и выкололи глаза. Уржумские большевики, недовольные действиями москвичей, организовывали в городе протестные митинги и слали отчаянные депеши в Москву, прося отозвать полк. Сами продотрядовцы требовали от Москвы подкреплений, пулеметов, патронов и денег. Все воевали против всех. Кончилось тем, что Первый Московский продовольственный полк решили отправить на Восточный фронт, воевать с Колчаком. Вернее, началось, поскольку в августе восемнадцатого года полк вместе со своим командиром поднял мятеж и сформировал Временное правительство из местных эсеров, а свой полк назвал Народной армией Южного округа. Прихватив казну, уржумские большевики бежали из города. Кроме тех, кто перешел на сторону степановцев. Всех сидельцев из городской тюрьмы выпустили, а саму тюрьму подожгли. Восстание охватило и соседние Нолинский и Малмыжский уезды. Ждали Колчака и части чехословацкого корпуса, наступавшие с востока на южные уезды Вятской губернии... Не дождались. Вместо чехословаков и Колчака вернулись большевики с подкреплениями и подавили восстание. Степановцы, вместе с теми уржумцами, которые оставаться не захотели, ушли в направлении Казани. Среди тех, кто не захотел оставаться, был лесопромышленник Григорий Минеевич Бушков, эмигрировавший впоследствии в Китай.

Девятнадцатого ноября того же года уездная ЧК издала приказ о немедленном увольнении из советских учреждений всех лиц, члены семей которых ушли с белогвардейцами или же признаны контрреволюционерами, а на следующий день Уржумский уездный исполком отменил этот приказ как необоснованный и незаконный. Началась советская жизнь с ее первыми комсомольскими ячейками, съездами

комсомольцев и рабселькоров, коммунами, детскими садами, тракторами, кустарными артелями, телефонной станцией на сто номеров и газетой «Красный пахарь».

Уже в девятнадцатом году в Уржуме была создана профессиональная оперная труппа, которой руководил выпускник Московской консерватории певец Александр Васильевич Новиков. В двадцать первом открыли педагогический техникум. В двадцать четвертом открыли краеведческий музей. Через три года маслозавод. Еще через два – оборудовали площадку для приема почтовых самолетов. Все это время граждане города Уржума обсуждали между собой новую Советскую власть, а ОГПУ аккуратно записывало их слова.

В двадцать седьмом году «Учитель Посенурской школы Кокшинской волости Андрей Георгиевич Козлов говорил, что в Москве ежедневно расстреливают сотни человек, только в газетах об этом не пишут. Об этом ему рассказывал брат, который служит в войсках ОГПУ».

«...четвертого августа в одной из пивных города Уржума собрались выпить агроном Андреевских предприятий Катеринчук, ссыльный, механик того же предприятия Емельяненко и председатель завкома Чемоданов. Катеринчук и Емельяненко говорили, что социализм и коммунизм не годятся, выражаясь при этом матерно, так как их хочет построить какая-то кучка людей. Позднее к этой компании присоединился поп села Козьмодемьянского...»

В двадцать восьмом году «В Уржумской народной больнице в помещении для больных с наступлением зимы стоит холод... Пища для больных готовится грязно. Бывали случаи, когда больные, получив кашу, находили в них нечистоты (испражнения мышей)...»

Гражданин деревни Большой перевоз Сердежской волости Яков Васильевич Жуйков в беседе со знакомым говорил: «Куда годится советская власть, когда ничего нет, можно только вино пить. Жить становится все хуже и хуже. Теперь вот мыла не дают, а говорят, борись с болезнями. Ребят мыть нечем, одеть не во что. Доведет скоро власть нашего брата до петли. Раньше жилось лучше».

«Один гражданин из деревни Шорино Уржумской волости, бывая в селе Русский Турек и встречаясь там с учительством и молодежью, старается настроить их против советской власти путем декламирования собственных стихов, в которых он критикует и осмеивает власть. Дано собрать исчерпывающий материал».

«Гражданка Пономарева, жена преподавателя Уржумского педагогического техникума, в разговоре с гражданином Козловым сказала ему, что нынче летом они собирались переехать в Москву. Однако муж съездил туда и узнал, что там ежедневно пропадает много маленьких детей. Их ловят жиды и режут для мацы, готовя мацу из детской крови. Причем гражданка Пономарева говорила, что эти данные публикуются в газетах»²⁷.

В тридцатом закончилась коллективизация, а в тридцать первом крестьяне стали выходить из только что созданных колхозов. В двух колхозах и вовсе убили председателей. Впрочем, всем скоро пришлось в эти же колхозы вернуться. Лесов, в которые можно было спрятаться всей деревней, в округе уже не осталось. В тридцать четвертом районный съезд Советов принял решение поставить памятник Кирову в Уржуме и открыть образцовый детский дом в память о нем. Переименовали местную газету «За коллективизацию» в «Кировскую искру». Она и сейчас издается. Через год открыли мемориальный дом-музей. Он тоже жив, правда, немного обветшал и посетителей в нем не так много, как раньше. В музее мне рассказали, что при советской власти к памятнику в дни рождения Кирова устраивали факельное шествие, а теперь... Еще и приходится выкручиваться, когда рассказываешь о причинах убийства Кирова. Раньше было просто – враги и убили, то есть контрреволюционеры, а теперь... Только переименовать Уржум в Киров власти не разрешили. Маленький захолустный Уржум для этой цели не подошел, хотя и хотел, чего уж там.

В тридцать пятом организовали Уржумский колхозный театр, просуществовавший семнадцать лет. Официально он назывался Кировский областной второй колхозный театр с базой в Уржуме. К Гоголю, Островскому и Толстому добавили Горького, Тренева и Лавренева. Не говоря о Корнейчуке. Ставили комедию Шкваркина «Чужой ребенок» и, как сказано было в уржумской афише тридцать седьмого года, «боевик сезона в роскошных специальных костюмах екатерининского времени» «Псиша» Беляева. Зимой актеры играли в Уржуме, а летом отправлялись колесить с концертами по району и области.

В конце тридцатых в детские дома Уржума стали привозить детей репрессированных. В документах писали «Прибыл по линии НКВД». Позднее стали писать «Прибыл по путевке облоно». Привозили со всей страны – из Киева, из Карелии, из Уфы, из Кургана. В уржумском детском доме выросли сыновья расстрелянного первого секретаря ЦК КП(б) Украины, дочь первого секретаря Башкирского обкома ВКП(б), сын второго секретаря Башкирского обкома ВКП(б), сын третьего секретаря Ивановского обкома ВКП(б), дети прораба из Кургана, сын интенданта второго ранга, дочь и сын начальника управления НКВД по Кировской области...²⁸

Война прибавила детских домов в Уржуме – из Боровичей был эвакуирован дом малютки, из Новгорода приехал детский дом, из Ленинградской области – детский интернат. Из Воронежа приехал целый педагогический институт. Из Ленинграда – институт Гипролестранс. Открыли госпитали для раненых на полтысячи коек. Приютили несколько тысяч эвакуированных из прифронтовых полос в Карелии, Белоруссии. Прибалтики, Украины. Колхозный театр собрал деньги на постройку танка «Уржумский театр». По инициативе школьников собрали почти восемьдесят тысяч рублей на строительство танка «Уржумский пионер», а всего за четыре года войны на постройку танков и самолетов собрали пять с половиной миллионов рублей. Из ушедших на фронт вернулась треть.

После войны построили мясокомбинат и хлебокомбинат, вывели новую породу свиней «Уржумская белая», сало которой по вкусу напоминает крем-брюле, открыли первое садовое товарищество «Мичуринец», провели первый слет туристов Уржумского района, открыли детский театр... а вот взрослый колхозный театр, к сожалению, в пятьдесят втором закрылся из-за нехватки денег, но в том же году силами драмкружка Дома культуры и режиссера Федора Ларионова была поставлена опера «Иван Сусанин». Собственно, ее уже Ларионов ставил на Уржумской сцене сорок лет назад, только тогда она называлась «Жизнь за царя». Так хорошо была поставлена эта опера с самодеятельными артистами, которые в массе своей никаких нот и не знали, что уже в марте пятьдесят четвертого года режиссер спектакля вместе со своей труппой поехал в Москву, на Всероссийский смотр сельской художественной самодеятельности. Сначала трое суток нужно было по распутице добираться до Кирова, то и дело вытаскивая машину из непролазной грязи, потом дали представление в Кирове, и только после этого поехали на поезде в Москву. Тут-то и выяснилось, что большинство уржумских самодеятельных артистов, а это были рабочие машинно-тракторной станции и автороты, медсестры, фельдшеры, воспитатели и нянечки детских садов, в первый раз в жизни едут на поезде. Предусмотрительный Федор Логинович заранее написал письмо министру культуры РСФСР с просьбой разрешить им пробывать в Москве, в которой почти никто из артистов никогда не был, несколько дней, чтобы осмотреть мавзолей Ленина и Сталина, Кремль, Большой театр и раз в жизни послушать профессиональных певцов. Из Москвы уржумцы уезжали с аккордеоном, который вручили всему коллективу, грамотой и именными часами, которыми наградили Ларионова²⁹. Да что там грамоты и аккордеон! Только представьте себе, как собиралась за накрытым столом уржумская родня, знакомые воспитательницы детского сада или медсестры, исполнявшей партию дочери Сусанина, и начинают ее спрашивать, как там, в Москве, а она приосанивается и начинает рассказывать... – Ты не мельтеши, рассказывай по порядку, с самого начала, как в поезд

сели, что ели, что пили, – кричит сосед, уже успевший где-то принять на грудь. – Тебе только про «пили» и интересно, – толкает его в бок жена, – лучше скажи как там, в столице, с крепдешином...

В пятьдесят седьмом на маслосырзаводе деревянные чаны, в которые принимали молоко, заменили на стальные. Девушку с веслом заменила механическая мешалка с электрическим приводом. В середине шестидесятых организовали плодосовхоз и племенную птицефабрику и спилили кресты с куполов Свято-Троицкого собора. В семьдесят втором открыли новое здание музея Кирова, через год улицу Новую переименовали в улицу Заболоцкого, а еще через год на здании бывшего реального училища открыли в память о нем мемориальную доску. Деревообрабатывающий комбинат выпускал до полумиллиона ракеток для игры в бадминтон, качели и лото. То самое лото, в полотняных мешочках, в которое играли от скуки на дачах или в городских дворах, когда в городских дворах еще была жизнь. В восемьдесят четвертом Уржуму исполнилось четыреста лет, в восемьдесят шестом открыли новый памятник Кирову, при том что старый еще не износился³⁰, а восемьдесят девятом освятили и установили кресты на куполах городского собора, спиленные в шестьдесят четвертом. Потом, в девяносто первом, почти единодушно проголосовали на референдуме за сохранение Советского Союза, потом советская жизнь кончилась и началась нынешняя с ее муниципальными фондами поддержки малого и среднего бизнеса, филиалами вятских банков, микрокредитами, оформленными за пять минут, безработицей, маленькими зарплатами, микроскопическими пенсиями, торгово-развлекательными центрами... Тем, кому повезло, работают на почте, в школах, в районной больнице, в отделении Сбербанка, в администрации и, конечно, на Уржумском спиртоводочном заводе, крупнейшем в этих местах. Кто-то устроился работать в психоневрологическом интернате Русского Турека, а кто-то в поисках работы уезжает в большие города и в Сибирь на нефтегазовые промыслы. Экскурсовод в музее Кирова сказала мне, что здесь жить очень хорошо, только выживать трудно. И то сказать – зарплата у нее пятнадцать тысяч, а пенсия – восемь. Это еще прибавили, а раньше была четыре. Правда, рыба в Вятке есть. Она и в Уржумке есть, но в том месте, где Уржумка впадает в Вятку, можно за час наловить ведро, если приехать затемно и если, конечно, повезет. И щука есть, ~~и стерлядь~~, и лещ, и судак, и чехонь. Хранитель фондов уржумского краеведческого музея рассказывала мне о шестидесятикилограммовом соме, который поймал ее муж. Одних пельменей из мяса этого сома сделали столько, что не хватило родственников, которым можно было бы отдать то, что не могли съесть сами.

Я ходил по тихим уржумским улицам и думал, что не ссылай сюда царское правительство разных террористов, большевиков и эсеров – уржумцы и сейчас жили бы как при матушке Екатерине. Ну, хорошо, не при Екатерине, но при Александре Втором точно. Рыба в Вятке есть, грибов и ягод полно, спиртоводочные заводы, маслобойни, торговля лесом... Медведей и зайцев, конечно, поменьше. Зато в уржумской кофейне еще можно купить полстакана сметаны с сахаром, компот из сухофруктов, крутые яйца, корзиночку со сгущенкой и ватрушку с картошкой. Там и треугольные салфетки, нарезанные из пекарской бумаги, есть. В каком московском кафе или ресторане вам подадут полстакана сметаны с сахаром или компот из сухофруктов? То-то и оно... И девушка на раздаче там улыбается лично каждому, а не всем сразу. И уржумские дети, играющие во дворах и на улицах, здороваются со всеми взрослыми. Играющие во дворах и на улицах, если кто не понял.

В гостинице «Утро», в номере, который я снимал, в прикроватной тумбочке лежал томик стихов Батюшкова. Старый и пыльный, изданный «Детгизом» для никогда не читавших его школьников еще в семидесятых годах. Я открыл его наугад и прочел: «Друг милый, ангел мой! Сокроемся туда...», потом поднял голову, посмотрел в окно и подумал:

– Не «туда», а сюда³¹.

¹ В.А. Ветлужских. В летопись города // Уржумская старина. Вып.12. Киров, 2015. С. 26–29.

² Там же. С. 29.

³ Там же. С. 31.

⁴ Дмитрий Козак. Уржум: два берега жизни. Йошкар-Ола, 2014. С. 30

⁵ В.А. Ветлужских. По государеву указу // Уржумская старина. Вып. 13. Киров, 2017. С. 182–190.

⁶ Цит. по: В.А. Ветлужских. Уржум в 1702 году // Уржумская старина. Вып. 13. Киров, 2017. С. 35.

⁷ Там же. С. 36.

⁸ С.Я. Черных. Население уржумского уезда по данным переписи 1716 года // Уржумская старина. Вып.4. Уржум, 1991. С.13.

⁹ Цит. по: Продолжение журнала или дневных записок путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1770 году. Санкт-Петербург, 1772. Стр. 23–24.

¹⁰ Там же. С. 24.

¹¹ Русская старина. 1900. №7. С. 126.

¹² Столетие Вятской губернии. Сборник материалов к истории Вятского края. Т.2. Вятка, 1880. С. 511.

¹³ Там же. С. 424.

¹⁴ Дмитрий Козак. Указ. соч. С. 152.

¹⁵ В уезде читали разное. К примеру, ходила по уезду рукописная «Повесть 1864 г. 1 марта, написанная своеручно на пользу чтущим, благородной девицы Вологодской губернии Пелагеи Петровой о хождениях ея по тому свету во время суточного обморока». Девица Пелагея Петрова писала, что «видела младенцев, разделенных на четыре сорта: первые – в золотых одеждах, с крыльям; вторые – в серебряных, без крыльях; третьи – без крыльев, но светлы; четвертые – темнообразные, без крыльев. Певчие сказали мне: первые сравнены с Ангелами, а вторые за болезни – с мучениками; третьи – незаконнорожденные, но за невинность почтены местами светлыми, а четвертые – удушены матерями и ради матерного нераскаяния имеют вид темный; а если покаются матери, тогда они позлащены будут и достигнут первых светлостей» (Цит. по: В.Магницкий. Поверья и обряды (запуки) в Уржумском уезде // Календарь Вятской губернии на 1884 г. Вятка, 1884. С. 117).

¹⁶ Цит.по: Столетие Вятской губернии. Сборник материалов к истории Вятского края. Т.1. Вятка, 1880. С. 109.

¹⁷ В.А. Ветлужских. Уржумские заводчики // Уржумская старина. Вып. 11. Киров, 2012. С. 92.

¹⁸ Цит.по: Столетие Вятской губернии. Сборник материалов к истории Вятского края. Т.1. Вятка. 1880. С. 77-78.

¹⁹ Правила для рабочих спиртового завода были довольно строгими. Необходимо было быть на рабочем месте всегда трезвым и ни в коем случае браги не пить. За пьянство и питье браги полагался штраф в размере дневного заработка. Все работы должно было производить тихо, без крика и, самое главное, без нецензурной брани. Крикунов и любителей нецензурно ругаться ждал штраф в размере дневного заработка. Строже чем за питье браги и ругань штрафовали только за порчу оборудования и «за произведенную нечистоту на полу или на скамье ретирада» в заводском сортире – за это вычитали двойной дневной заработок.

²⁰ В.А. Ветлужских. Уржумские заводчики... С. 91.

²¹ Столетие Вятской губернии... С. 79.

²² О детстве и юности Сережи Кострикова писательница Голубева в тридцать шестом году написала повесть «Мальчик из Уржума», от которой теперь могут вспомнить

только название, да и то не все, а только те, кто эту повесть проходили в незапамятные времена в школе, ~~но так и не прочли.~~

²³ Спиридон Мавромати, как и Киров, своей смертью не умер, хотя по партийной линии не пошел, членом партии вообще не был, наверх не лез, а работал себе тихонько по своей инженерной электротехнической специальности начальником электромеханической части Свирской ГЭС. Не помогло. Его расстреляли в тридцать восьмом по пятьдесят восьмой статье за шпионаж.

И еще. Вятские краеведы не нашли никаких следов листовок, которые печатал юный Сережа Костриков, хотя и обыскали все углы и поскребли по всем архивным сусекам. Может, он и не печатал их вовсе, а все эти листовки плод воображения писательницы Голубевой.

²⁴ К счастью, Троицкий собор при Советской власти не взорвали и не разобрали по кирпичику на хозяйственные постройки. Он и теперь украшает панораму города.

²⁵ В начале восьмидесятых годов девятнадцатого века уржумские священники по просьбе Вятского статистического комитета собрали сведения о быте и нравах уржумцев – каждый по своему приходу. Священники попались честные, и картина получилась...

О прихожанах Свято-Троицкого собора:

«Прихожане, живущие в городе, довольно мягкого характера, вежливы, но многие скуповаты, довольно религиозны, расположены к обучению детей, но ремесленников мало, а занимаются или торговлею или земледелием, а некоторые письмоводством... Деревенские же прихожане очень грубого характера, склонны к лести и лицемерию. Одеваются многие чистенько, строятся не обширно, но довольно аккуратно... В домашнем быту живут просто и аккуратно, пищу едят самую простую. При свадьбах и праздничных пирушках даже бедные для гостей готовят приличный стол, любят угощать чаем и водкой. Большими семьями живут мало, лишь только помирают родители, все братья идут в раздел. К занятию ремеслами нет усердия, но более склонны к земледелию. К церкви немногие усердны, молодые люди очень редко ходят к богослужениям, а также на исповедь и ко святому Причастию. Обучать детей грамоте многие желают, но в городское училище затрудняются отдавать, а более обучают дома у неопытных и малограмотных учителей. К пьянству многие склонны, пьют не только на пирушках, но и в базарные дни, редкие из мужчин уезжают из города, не выпивши, впрочем особенно преступлений незаметно, кроме воровства и оно случается не часто. К бедным мало сострадательны, нищих в приходе немного, не более 100 человек, все здоровые – стараются пропитываться своими трудами».

О прихожанах Воскресенской церкви: «Городские прихожане много отличаются от деревенских жителей, но и последние начинают во многом подражать городским жителям. Купцы и мещане городские мало имеют полезных занятий. Торговлей занимаются немногие, а более хлебопашеством и отчасти скотоводством. Накашивают сена на лугах реки Вятки и Уржумки довольно количество и усердно водятся за скотом. Лошадей и рогатого скота любят держать крупной породы. На левом берегу р. Вятки есть казенные леса, в которых охотятся на волков, зайцев, белок и даже на медведей. Но число охотников не велико... Горожане любят прогуливаться по Малмыжскому тракту до каменной часовни на Белой речке...»

О прихожанах Казанско-Богородицкой церкви: «Прихожане характера большею частью грубого, в домашнем быту без изысканности просты, в экономическом состоянии не роскошны, в семейной жизни скромны, в отношении церкви усердны, имеют склонность к пьянству, от преступлений воздерживаются, больным, бедным, нищим помогают».

О прихожанах села Кичма Уржумского уезда: «Склонны к винопитию, срамословию, ссорам, за многими из них замечаются грубость, неряшливость. Они вообще не богаты, нищенствует их немало, к церкви, однако, привержены, грамотность любят».

(Цит. по: Дмитрий Козак. Уржум: два берега жизни. С. 268-269, 301.)

²⁶ Об этом эсере по фамилии Комлев я вычитал во второй главе воспоминаний Михаила Ивановича Касьянова «Телега жизни», где он пишет о своей учебе в Уржумском реальном училище и о жизни в Уржуме с тринадцатого по двадцатый год. Попалась мне на глаза еще и такая деталь, о которой грех не упомянуть. «Военный строй в реальном преподавал подпоручик Ювеналий Иванович Жарков. Он ходил в сапогах, а к ним полагались специальные галоши с прорезями для шпор». Что за прелесть эти галоши с прорезями!

²⁷ Цит. по: А.Л. Рашковский Из донесений ОГПУ. Годы 1926, 1927, 1928-й // Уржумская старина. Вып. 13. Киров, 2017. С. 104–109.

²⁸ В.А. Ветлужских. Их приютил Уржум // Уржумская старина. Вып. 11. Киров, 2012. С. 100–116.

²⁹ Владимир Шеин. Всю жизнь на уржумской сцене. Киров, 2014. С. 51–53.

³⁰ Что касается памятников, то Уржум город уникальный. Второго такого в России, наверное, и не сыскать. В нем нет ни одного памятника Ленину, и даже главная улица носит имя не лучшего друга детей, а Кирова.

³¹ Из того, что не вошло в этот рассказ об Уржуме, можно составить еще десять таких же рассказов. Не рассказал я о Марии Марковне Логиновой – первой учительнице музыки Петра Ильича нашего, доживавшей в Уржуме свои последние годы, о деревне Лопьял Уржумского уезда, в которой родился Виктор Михайлович Васнецов. Правда, его родители через два года после рождения из деревни и из уезда увезли, но это не мешает уржумцам гордиться своим земляком и каждый год устраивать в Лопьяле «Васнецовские пленэры», об одном московском художнике, который думал, что Уржум – это город в Китае, о блаженной Сашеньке Прозорливой, жившей в селе Шурма во второй половине девятнадцатого века и умершей в начале двадцатого. Она не столько исцеляла односельчан, сколько советовала, как поступить, и предсказывала будущее. Сашенька была инвалидом и сорок пять лет пролежала прикованной к кровати, а кровать у нее была на колесах, чтобы можно было ездить на службы в церковь. Сотрудники краеведческого музея ездили в Шурму осматривать эту кровать, которую там хранят как реликвию, но оказалось, что никаких колес у этой кровати нет и, скорее всего, не было. Не рассказал об оркестре мальчиков, игравшем в уржумском клубе в самом начале прошлого века, о том, что первый мотоцикл появился в Уржуме в двенадцатом году и был немедленно запрещен, поскольку очень сильно шумел и пугал местных жителей, о том, что в городе было три извозчика, в любой конец довозившие за гривенник, о том, как местные жители ловят чехонь на резинку, о теплоходе «Василий Чапаев», приплывающем каждой весной по высокой воде в Русский Турек, о туристах, увозящих из Уржума целые сумки с местными водками, настойками и бальзамами. Не рассказал о том, как местные знахари лечили раньше все болезни наговорами на редьку, нашептываниями на воду, масло, да и сейчас, бывает, так печат, о том, как в девятьсот тринадцатом году уездное земство послало крестьянина Меркушина в Моравию перенимать тамошний опыт, и о том, как он вернулся с такими большими глазами от удивления... Не рассказал, наконец, об угольном утюге с головой писателя Толстого на заслонке, хранящемся в уржумском краеведческом музее. Делали эти утюги в Верее, но каким-то образом они добрались и до Вятской губернии. Не писал бы граф «Учение церкви есть теоретически коварная и вредная ложь, практически же – собрание самых грубых суеверий и колдовства...», так его портретом, может, украшали бы самовары, или железнодорожные подстаканники, или даже благословляли бы молодых. Благословляли же портретом Писемского, который не только не был зеркалом русской революции, но даже и босым никогда не ходил. Нос у Льва Николаевича длиннее, чем был на самом деле, для того чтобы графа удобнее было водить за него при загрузке горячих углей в топку. Бывало, доведет он несчастную Софью Андреевну до слез своими капризами, придирками и постоянными переписываниями, уйдет она к себе в комнаты, достанет из потайного ящика в комоде такой утюг, велит

Агафье или Лукерье принести горячих углей, насыплет их в утюг и сидит, смотрит, смотрит на него, а потом и спросит: «Тепло ли тебе Левушка?» Еще и поплюет на утюг. Нравилось ей, как он шипит.